

Гай Юлий Орловский

Фич@рус

Длинные Руки —
вице-принц

Гай Юлий Орловский
Ричард Длинные
Руки – вице-принц
Серия «Ричард Длинные
Руки», книга 38

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4442388

Ричард Длинные Руки – вице-принц : фантастический роман / Гай

Юлий Орловский: Эксмо; Москва; 2012

ISBN 978-5-699-60008-3

Аннотация

Драконы, тролли, коварные чародеи, свирепые огры, однако, как принц Ричард не раз убеждался, самый страшный враг – человек. И, вынужденно вступив в жестокую войну, он погружается в водоворот неистовых приключений, где жизнь то и дело повисает на волоске.

Но разве можно победить опасность без опасности?

Содержание

Часть первая	4
Глава 1	4
Глава 2	17
Глава 3	31
Глава 4	43
Глава 5	55
Глава 6	67
Глава 7	79
Глава 8	92
Глава 9	100
Глава 10	112
Глава 11	124
Конец ознакомительного фрагмента.	128

Гай Юлий Орловский Ричард Длинные Руки – вице-принц

Часть первая

Глава 1

В левом крыле дворца, где я выделил покои королям, шумно и празднично, пахнет жареным мясом, острыми специями, вином. Служанки таскают кувшины, все до одной разбурьяненные, перехихикиваются, глазки задорно и блудливо поблескивают, что значит, их хозяйки уже попадали в объятия внезапно возникающих на пути молодых и красивых лордов, у многих рубашки весьма помяты в определенных местах.

Навстречу идет, придерживаясь за стену и опустив голову, высокий рыцарь в небрежно наброшенном на плечи кафтане, как мне показалось, мертвецки пьян, хоть и на ногах.

Я охнул, узнав с трудом:

– Арчибальд!

Он поднял голову, лицо опухшее, с трудом поймал меня

на перекрестье мутного взгляда.

– Ваше... высочество...

Я сглотнул ком в горле, вместо веселого и беззаботного белозубого красавца, на котором и простые доспехи всегда сидят щегольски, словно сшиты лучшими портными, сейчас опустившееся существо.

– Арчибальд, – сказал я, заставляя себя вместо слов ничемного сочувствия и глупых утешений, которыми его на-верняка достали, говорить громко, звучно и высоко, – родина в опасности!.. Настал тот час, для которого мы, настоящие мужчины, рождены на свет! С севера надвигается Тьма Кро-мешная, она поглотит весь мир, если наши длинные мечи не остановят и не рассеют. Срочно, даже немедленно, дорогой друг, прямо сейчас собирайте всю свою дружину. Прихватите у отца и у всех, сколько сможете... вы меня слышите?.. и навстречу битвам, сражениям и красивой гибели, что решит все проблемы и покажет миру, чего мы стоим, кем мы были и какие они сволочи, что нас не ценили!

Он слушал вполуха, но что-то проникало в его череп, глаза постепенно прояснялись.

– Навстречу, – спросил он хрипло, – гибели?

– Да, – подтвердил я твердо и возвышенно. – Либо погиб-нем гордо и красиво, и нас будут оплакивать эти... ну, де-вы, либо вернемся с победой, и тогда у нас не будет препят-ствий... вы поняли, граф?

Он медленно расправлял сутулую спину и стал почти тем

прежним, надменным и стройным, даже голос прозвучал четче:

– Только прикажите... ваше высочество...

– Все отряды, – сказал я, – грузите на платформы и переносите в Армландию. Там уже своим ходом двинетесь дальше.

– На Север? – проговорил он сипло.

– Да.

Он тряхнул головой, переспросил:

– Все-таки Карл?

– Хуже, – ответил я. – Мунтвиг. Карл уже вдоволь напил-ся человеческой крови, а теперь возжелал духовной пищи. Мунтвиг же примитивно, вот дурак, алчет подвигов и славы... Нам нужно успеть встретить его на границах наших границ, а также рубежей. Или хотя бы не дать ему засадиться слишком уж глубоко в наши земли Скарляндии и Варт Генца... Да, они уже наши!..

Он отклеился от стены, лицо медленно меняется, а сам он из страдающего от неразделенной любви менжнуна превращается в настоящего рыцаря, ведь для нас великие подвиги важнее всего на свете. Правда, я, как истинный политик, на всякий случай забросил червячка, что по возвращении не будет препятствий насчет фиолетовой леди, но это так, вроде бантика, а в лоб о таком приземленном в рыцарской среде говорить неприлично.

– Ваше высочество, – проговорил он крепнувшим голо-

сом, – разрешите выполнять... немедленно?

– Разрешаю, – ответил я милостиво. – Еще как разрешаю.

– Спасибо, ваше высочество...

– Вперед, – сказал я в напутствие, – навстречу подвигам и славе!

В большом зале, что чуть поменьше моего тронного, но тоже весьма, в окружении своих лордов пируют короли: Фридрих Барбаросса, Роджер Найтингейл, Херлуф Сильвервуд и, черт бы его побрал, Кейдан, его я ожидал увидеть меньше всего, а желал бы встретить и того меньше.

Сволочь, он все-таки моложе всех венценосцев, рослый и все так же крепкий, еще и свою отвратительную пегую бороденку сбрил за время нашей справедливой и нужной человечеству и прогрессу оккупации королевства. Возможно, увидел, что мужчины с бритыми подбородками не выглядят так уж женственно, как свысока утверждают его кацапистые советники.

– Господа, – сказал я звучно, обращаясь только к королям, – от границ запахло кровью! Я хочу предложить вам нечто более высокое, чем наливать вино и жрать эти немужские сладости.

Барбаросса лениво повернул голову в мою сторону.

– Что стряслось, дорогой друг?.. Кого на этот раз стараетесь обжудить?

Я сказал четко:

– Готовятся очень даже обжудить всех нас. Да-да, и вас

тоже!

Барбаросса посерьезнел, а Херлуф сказал неспешно:

– А в самом деле, если запахло кровью... как поэтично, кстати, то лучше поговорить об этом... не здесь.

Я покосился на Кейдана, этот молчит и неторопливо поворачивает в растопыренных пальцах чашу с вином вокруг своей оси.

– На втором этаже, – сказал я, – есть такой же зал... только маленький и не такой. А наши благородные лорды успеют за время нашего отсутствия, весьма короткого, с успехом перемыть нам кости.

Лорды заворчали, бросая на меня сердитые взгляды, не всем мой солдатский юмор приемлем, либералы, что ли. Свита Кейдана вообще смотрит с ненавистью, но, увы, ножны у всех пусты, стража на входе мечи отбирает у всех.

Найтингейл со вздохом опустил чашу на стол.

– Но мы поместимся?

– Да, – ответил я, – если животы втянем.

Барбаросса сказал степенно:

– Я согласен. Разве у меня живот?

– Присоединяюсь, – поддержал Найтингейл.

– Тоже, – сказал Херлуф.

Они все трое поглядывают на Кейдана, однако тот промолчал, затем на меня посмотрел в упор Барбаросса, следом Найтингейл, в глазах короля Шателлена вообще мягкий совет соблюдать приличия, если я рыцарь и достойный прави-

тель.

Я повернулся к Кейдану, на языке вертится то «господин бывший король», то «гражданин Кейдан», но взял мысленно себя за глотку, придушил слегка, мол, недолго ему осталось быть королем, а сейчас мы на людях, вынуждены расшаркиваться и все такое, выдавил светскую улыбку.

– Ваше Величество?

Кейдан даже не изменился в лице, повел бровью в сторону остальных и сказал громко:

– Я украсил тот зал весьма достойно, там хороший стол и восемь кресел. О важном лучше поговорить там.

Я стиснул челюсти, а короли начали подниматься, словно слово Кейдана для них куда более весомо, чем мое. Как же, все венценосные и легитимные, а я всего лишь принц, да и то коронованный без соблюдения некоторых моментов, к отсутствию которых можно и придраться.

Гуляки за столами свое недовольство по поводу нашего ухода выразили глухим ревом, но слуги поспешно наполнили им кубки и чаши, погасив народное недовольство так, как делалось всегда со времен Древнего Рима.

Телохранители прошли по обе стороны группы королев, не позволяя беспокоить Их Величества, а на втором этаже слуги уже распахнули двери и провожали с поклонами к столу.

Барбаросса откровенно осматривается, Найтингейл корректно ничего не замечает и смотрит только на меня, Хер-

луф кивнул одобрительно, мол, ничего так, никогда бы не подумал, что и у варваров есть что-то, а Кейдан даже бровью не повел, хотя в этом кабинете кресел прибавилось, а пару слишком фривольных картин я, в ожидании визита отца Дитриха, еще в первые же дни велел бросить в камин.

Комната для совещаний высших военачальников, так я ее позиционирую, светлая, чистая, удобная, с минимумом мебели, а высокие сводчатые окна дают массу света.

Они степенно расселись, все чисто по-мужски: раз кресел двенадцать, а нас пятеро, то каждый оставил справа и слева по свободному месту, у мужчин в крови насчет личного пространства.

– Тревожные новости, – сказал я бодро и возвышенно, – далеко на севере восходит грозная звезда Мунтвига! Это свирепый полководец, он соперничал славой с императором Карлом, великим завоевателем.

Барбаросса поинтересовался с истинно королевским величием:

– Нас это как-то касается?

– Очень, – заверил я. – Как доложили разведчики, император Карл услышал глас Божий, упрекающий его в грехах, раскаялся и, сменив корону на вериги, отправился пешком в монастырь замаливать свои якобы великие подвиги. Однако Мунтвиг моложе и амбициознее, собрал свои армии и двинулся в земли Карла, поспешно подгребая его оставленные королевства под свою длань.

– Бойкий юноша, – заметил Херлуф одобрительно.

Слуги быстро расставили кубки, я поглядывал украдкой на Кейдана, но тот даже бровью не повел, узнавая свое фамильное богатство.

Барбаросса первым ухватил поставленный перед ним кубок, выпил залпом почти половину, прежде чем сообразил, что это не совсем то вино, которое степенно отхлебывал внизу с простым народом баронов и графов. Рожа побагровела, закашлялся, с недоумением посмотрел в кубок.

Найтингейл, которому слуга налил из другого кувшина, подчиняясь моим едва заметным знакам, отпил с опаской, посмотрел на Барбароссу с непониманием, сделал глоток побольше, а потом присосался, как паук к толстой молодой мухе.

Херлуф смотрел то на одного, то на другого, а когда сделал глоток, тоже поперхнулся, сказал задумчиво:

– Что за... вино... Продрало до печенок.

– Рад, – сказал я, – что и вам понравилось.

Кейдану подмывало налить чистого спирта, однако он предельно осторожен, наблюдает за всем и многое замечает. Слуга перехватил мой взгляд и наполнил бывшему королю Сен-Мари из того же кувшина, что наливал Найтингейлу.

Кейдан сделал глоток спокойно и с неподвижным лицом, явно готов ко всему, но я успел уловить тень изумления в глазах, такого изысканного вина здесь пока еще не знают, хотя монахи трудятся над развитием виноделия вовсю.

– Мунтвиг на землях Карла не остановится, – сообщил я. – Тем более что они достаются ему так легко.

– Насколько я понимаю, – пробормотал Барбаросса, – это где-то очень далеко на севере?

– Ваше Величество, – сказал я с мягким упреком, – далекое вчера может оказаться близким завтра. А то и сегодня. Он кивнул с самым снисходительным видом.

– Продолжай.

– Мунтвиг, – напомнил я, – всегда соперничал славой с Карлом, хотя его известность больше гремела дальше к северо-западу от империи Карла. Не думаю, что и Мунтвиг вдруг уйдет в монастырь, это было бы слишком большой удачей, так что мы должны быть готовы к нападению на наши земли.

Барбаросса сказал медленно:

– А с каких пор Скарлянды и Варт Генц... ведь речь о них?.. стали нашими землями?.. Почему мы обязаны их защищать?

Херлуф поинтересовался:

– И вообще, что за Мунтвиг?

– Мунтвиг, – пояснил я, – как я уже сказал, был соперником Карла по славе, только шел западнее Карла, покорил несколько королевств, в том числе Бургант и Горланд, в королевстве Шумеш потерпел первое поражение, потом были еще неудачи. В конце концов ушел с войсками далеко на север, где захватил обширные земли и обосновался там.

– А теперь что с ним случилось?

– Увидел, – проворчал Барбаросса, – что нет Карла.

– Карл ощутил себя непобедимым, – сказал я, – и достигшим вершин славы. Но он в своем роде гений, ему мало было побед в войнах, он мог возжелать чего-то еще, более высокого.

Найтингейл хмыкнул.

– Заняться поисками Истины?

– Именно, – сказал я, – а Мунтвиг намного проще, потому опаснее. Он жаждет реабилитироваться после поражения, произошедшего из-за его чрезмерной самонадеянности, когда попытался захватить с наскоку крепость Эвергарт. Там он положил треть армии и вынужден быть отступить. Он не думает ни о каких монастырях, он постарается побыстрее прибрать к рукам остатки армии Карла, которой сейчас делать нечего и которая умеет только воевать, после чего, уж не знаю, остановит ли его Большой Хребет?

Барбаросса прорычал утомленно:

– Кто решил, что он пойдет так далеко?

– Там королевства, – объяснил я, – которые входили в империю Карла. Их осталось только подобрать!.. Кроме того, вполне возможно, до него уже докатились вести о сказочно богатой земле за Большим Хребтом, куда сумели проникнуть какие-то армландцы и куда, конечно же, он тем более войдет с легкостью!.. Ему наверняка рассказали и про берег моря, про флот, пиратов, острова... Это же мечта для завоевателя!

Херлуф взглянул на меня и обронил невинным голосом:
– Вам виднее, юный друг.

Они выслушали меня очень внимательно, люди такого ранга сразу трезвеют, когда речь о важном, а когда я умолк и ждал их реакции, долго сопели, переглядывались, двигали бровями, только Кейдан все так же смотрит мимо меня, а когда замечает, то в лице нет даже ненависти, словно перед ним пустое место.

– Ладно, – прорычал наконец Барбаросса. – Допустим, Мунтвиг в самом деле сильнее даже Карла. Но почему ты решил, что он не остановится до самого... ха-ха... Большого Хребта?

Найтингейл кивнул, добавил, поясняя мне, как ребенку:

– У него по дороге столько королевств... И везде придется оставлять свои гарнизоны. Так у него совсем не с кем будет идти вперед!

– Увязнет, – коротко сказал Херлуф.

– А если у него, – возразил я, – как у Карла, другая тактика?.. Захватывая королевство, забирать побольше мужчин в свою армию и двигаться дальше?.. Покоренные страны Карлу были уже не интересны. Он был романтиком по-своему и стремился к необычному. А с Мунтвигом столкнуться придется.

– Почему?

– Королевства Скарлянды и Варт Генц, – пояснил я. – Они были захвачены Карлом, до сих пор считаются как бы входя-

щими в его империю. Но эти королевства уже давно отстроились и...

Барбаросса сказал саркастически:

– И обратились к тебе за помощью?

– Король Варт Генца, – напомнил я, – был нашим союзником в сдерживании неоправданной и неспровоцированной агрессии Гиллеберда. Конечно, я откликнулся на просьбу о помощи.

– Слыхали-слыхали, – сказал Барбаросса, – и что даже корону тебе предлагали, а ты так это скромненько: ах-ах, не надо, что вы, как можно, я недостоин, давайте чуть позже, лучше завтра с утра.

– Про чуть позже я не говорил, – возразил я.

Он посмотрел с веселой издевкой.

– Но мы здесь все свои?

– А сам он в Варт Генце, – предположил Херлуф, – обеими руками казну выгребал?

– Это он делает в первую очередь, – заверил Барбаросса. – В общем, Ричард, ситуация складывается такая. Мои лорды не поймут, если призову их собирать войска и вести на север встречать какого-то там Мунтвига, непонятного и неинтересного. Зато обещаю, как твой союзник, помочь защитить твои завоевания, если Мунтвиг подойдет к границам Фосса-но.

– Получается, – возразил я, – будете защищать только себя?

– А Ламбертинию? – возразил Барбаросса. – Она ж так вклинилась между моими Фоссано и Фарландией, что и не захочешь защищать, а придется... Кстати, не желаешь обменять эту Ламбертинию, я давно на нее зуб точил, на что-нить?

– На что? – спросил я.

Он потерял пояс, где солидно позвякивают широкие металлические бляхи.

– Да хоть на что! Вот на этот пояс, к примеру? Смотри, как хорош! И пузо держит... в пределах.

Я разом ощутил жуткую безнадежность, Барбаросса и так может забрать себе Ламбертинию, в моем положении нечего и плакать.

Добрый Найтингейл вздыхал и смотрел на меня с сочувствием. В мудром взгляде я читал, что не стоило так вот поспешно хапать все земли, которые в силу каких-то причин удастся захватить легко и быстро. Захваченное нужно еще и удержать, когда местные опомнятся... а если еще появится противник и со стороны, тогда вообще лучше все бросить и отступить.

Глава 2

А может, мелькнула неожиданная мысль, в самом деле бросить Скарлянды и Варт Генц? Я же снял с них такой урожай, о котором даже и не мечтал: все налоги сгреб в свой карман, собрал всех крепких молодых мужчин и создал две армии!

Барбаросса посматривал на меня исподлобья, что-то высчитывает, судя по глазам, наконец пробасил:

– Нет, наш Ричард не отступит.

– Гордость не позволит, – согласился Херлуф.

– Тогда он не государь, – обронил Найтингейл с глубоким сочувствием. – Он все еще рыцарь. Ему бы на турнирах!

Барбаросса прорычал:

– Нам всем жаждетсЯ оставаться только рыцарями. Однако... во имя счастья подданных мы ведь переступили... некую черту? И пусть запятнали свои имена в глазах обывателей, что ничего не понимают, но судят обо всем, но мы... терпим и работаем для их, сволочей, благополучия?

– Это мы, – буркнул Найтингейл, – мы уже битые, тертые, понявшие... А он еще выюнош с чистым сердцем, хоть и старается казаться понявшим все, грязным и циничным.

– Потому, – произнес Херлуф с циничной усмешкой, – мне кажется, я выражу общее мнение, когда предложу просьбу о войне с этим Мунтвигом... так его зовут?.. оставить без

ответа... в его же интересах. В интересах нашего друга принца Ричарда, а не Мунтвига, конечно. У каждого из нас свое королевство, которое охраняем и бережем, а это первая заповедь государя. Благо наших граждан должно быть для государя выше, чем жажда прославить свое имя в веках.

Слуги внесли на подносе жареное мясо, Барбаросса скривил рожу, остальные лишь скользнули хмурыми взглядами. На королевское угощение все-таки полагается подавать хотя бы целиком зажаренного вепря, оленя или быка, а тут всего лишь тонкие ломтики мяса.

Я сказал виновато:

– У нас не пир, а деловое совещание, потому просто перекус... да и надо заесть вино.

Барбаросса отмахнулся.

– Ладно, попируем позже.

Он небрежно взял ломоть мяса и отправил в пасть. Мне показалось, что даже не разжевал, а проглотил, как гигантская утка. Хотя да, мясо настолько нежное, что жевать стоит только для удовольствия, а так само тает во рту.

Найтингейл, ободренный опытом с прекрасным вином, взял тоже ломтик, но едва составленный умелыми дизайнерами аромат шибанул в ноздри, проглотил едва ли не быстрее, чем Барбаросса.

Херлуф, поглядывая на обоих с улыбкой, брал мясо спокойно и с королевским достоинством, не столько ел, как смаковал, наслаждался, а когда встретился со мной взглядом,

кивнул с полным одобрением.

– Прекрасная кухня, – сказал он. – Уверен, Его Величество Кейдан тоже доволен, что его запасы все еще украшают столы королевского дворца!

Кейдан чуть наклонил голову, но смолчал.

Барбаросса пожирал мясо, хватая сразу по несколько ломтиков и запихивая пятерней в огромный рот, но, когда слуги принесли еще и еще, сдался и только посмотрел грустными глазами на лакомства, что пропадут теперь, не съеденные им лично.

– Скажу честно, – рыкнул он утомленно, – когда ты явился с безумной идеей напасть сообща на Гиллеберда, я решил помочь только потому... гм... что ты когда-то оказал мне очень важную услугу, а я такое не забываю. Я, честно говоря, даже не думал, что мы с такой легкостью справимся, все-таки у Гиллеберда была лучшая в регионе армия, но ты всех обхитрил, нас с Найтингейлом тоже.

Найтингейл улыбнулся, кивнул.

– Да, бойкий у нас родственник.

Барбаросса посмотрел на него в удивлении:

– Родственник?.. Ах да, он же теперь твой полузять, ха-ха!..

Найтингейл ответил с достоинством:

– Я не сказал бы, что это худший из зятей.

– Еще бы, – сказал Барбаросса с тяжелым сарказмом, – это же надо суметь продать дочь дважды! Я бы голову раз-

бил о стену, но не додумался бы. Всегда считал, что такими хитрыми могут быть только сенмаринцы...

Все посмотрели на Кейдана, что за все время обсуждения не проронил ни слова. Сейчас, когда все умолкли и только втихую зыркают друг на друга, не зная, что добавить и нужно ли, когда все сказано ясно и четко, он пошевелился и сказал несколько манерным голосом:

– Эту реакцию следовало ожидать. Она мне понятна, возражений не вызывает, потому скажу о другом. Несмотря на все разумные слова достойных великих и мудрых королей, мы все же предполагаем, что принц Ричард отправится Мунтвигу навстречу, несмотря на все наши предостережения.

– С голыми руками, – буркнул Барбаросса.

– С теми войсками, – уточнил Кейдан с королевским величием, – которые удастся собрать, пусть даже их будет горстка. А нам стоит подумать, как поступим мы.

Найтингейл сказал завистливо:

– А что вам-то думать? Сен-Мари за Большим и даже очень Большим Хребтом!

– Если Мунтвиг, – ответил Кейдан, – сокрушив все, подойдет к хребту, то самое меньшее, что он сделает, – перережет единственный торговый путь между королевствами Сен-Мари, Вестготией и остальным севером.

Барбаросса буркнул язвительно:

– Будете торговать и с Мунтвигом, какая разница?

– Будем, – согласился Кейдан, даже не попытавшись отказать, – однако Мунтвиг не прекратит пытаться ворваться в наше королевство и предать здесь все огню, а это... нас будет тревожить, если сказать мягко. Потому следует продумать, чем же все-таки помочь этому... принцу.

Я не поверил своим ушам, только никто из королей почему-то не удивился, а Кейдан продолжил:

– Нам важно, чтобы этот принц там на дальних рубежах как можно больше обескровил Мунтвига. И когда сам погибнет, та сволочь с Севера подойдет к нашим границам уже ослабленным. Или вообще не рискнет.

Барбаросса хмыкнул:

– Ваше желание удержать Тоннель в нашей власти понятно. Я берусь ввести войска в Армландию и перекрыть доступ на эту сторону.

– Я помогу, – сказал Найтингейл. – Ну, чем смогу.

Херлуф сказал ехидно:

– А вы поможете как? Подгробете под себя Ламбертинию?

Найтингейл кивнул в сторону Барбароссы:

– Он подгробет ее с такой скоростью, что не успеешь сказать «мама».

Я натянуто улыбался, дескать, шутят, понимаю, хотя на душе становится все холоднее. Это не шутки, все так и будет. Мне трудно было удерживать все в моих руках даже без внешней угрозы, а теперь так и вовсе все рассыплется. А такие лакомые куски да не подобрать...

Тревожная обстановка во дворце начала нарастать с момента срочного отъезда герцога Готфрида, а после появления гонца с вестью о Мунтвиге стало по-настоящему неспокойно и неудобно.

Вельможные лорды, собравшиеся на выборы короля, сбиваются в группки, шепчутся, оглядываясь на других, и обрывают разговоры, когда к ним кто-то подходит.

Я увидел, как в дальнем зале блеснуло золото пышных волос, там в кругу мужчин женщина с прямой гордой спиной и тонкой талией в длинном зеленом платье до полу. Она как ощутила мой взгляд и повернулась, крепкая, с хорошо развитыми плечами, яркий румянец на молодом лице, блестящие глаза и пухлые спелые губы. Леди Элинор.

Она с небрежностью оставила рыцарей, расточающих ей комплименты. Я молча ждал и невольно любовался ее спелой молодостью и спортивной упругостью ее фигуры, туго натянутой кожи на лице, где ни намек на морщинки, даже мельчайших, и общей чистотой и свежестью ее облика.

Издали она чарующе улыбнулась, но, когда приблизилась, лицо стало строгим и озабоченно деловым.

– Рич, что теперь?

– Не знаю, – ответил я сердито. – Почему герцог не мог подождать до выборов?

Она без всякого перехода превратилась в разъяренную тигрицу, защищающего малолетнего тигренка:

– Не смей, для него орден Марешаля – самое главное в жизни!

– Два сапога пара, – сказал я горько. – Оба за идею зарежете.

– За идею?

– За любимое дело, – уточнил я. – Дождемся результатов голосования. Я все еще рассчитываю на победу герцога, но если стрясется небывалое...

Она вздохнула.

– Ты так привык к победам? Ричард, даже у тебя не все может идти гладко.

– Мы все просчитали верно, – возразил я, – и готовились долго. Может быть, слишком долго. Это говорит о моей тщательности и осторожности!

– Я дождусь выборов, – ответила она, – однако что-то мне очень неспокойно.

– Берегите Дженни, – сказал я неуклюже. – Как там Родриго?

– Растет, – ответила она с некоторым безразличием, и я понял причину такого резкого поворота от прежнего обожания, теперь всем на свете для нее стал герцог Готфрид, а бедный любимец Родриго, чьи капризы всегда удовлетворялись, впервые столкнулся с тем, что называют воспитанием мужчины. – Скоро его из пажей можно будет в оруженосцы.

– Рано, – сказал я сожалеюще, – умом развит, а силенок пока маловато. Надеюсь, Мартин это учитывает. Где Джен-

ни?

– Я видела ее на веранде.

– Надо с нею повидаться, чувствую себя виноватым.

– Да? Это хорошо, – сказала она с удовольствием, – тогда я проведу к ней.

– Спасибо.

Навстречу все чаще попадались в окружении свиты осанистые лорды в парадных формах, слышались зычные голоса глашатаев, объявляющих имена высоких гостей и титулы, возгласы церемониймейстеров, приторно пахнет женскими духами.

Сперва я увидел леди Розамунду и ее подруг, они бросали ревнивые взгляды в сторону. Я повернул голову, увидел Дженифер и понял чувства первых красавиц королевства. Провинциалка не уступает им красотой и гордой статью, но настолько вся наполнена огнем, что все мужчины невольно тянутся к ней, как мотыльки к пламени.

Моих фавориток, точнее, тех фрейлин, которых считали фаворитками, а также тех, кто пытался ими стать, как уже знаю, примирило с Дженифер только то, что она моя сестра.

Более того, все начали набиваться к ней в подруги, удобный повод, чтобы сблизиться с ее грозным и могущественным братом.

Она увидела нас с Элинор, поспешила навстречу. На этот раз лицо бледное, в глазах тревога.

– Ричард!.. – крикнула она умоляюще. – Почему все так?

Я обнял ее, поцеловал в лоб, потом не выдержал и прижался губами к пылающей щеке.

– Дженифер, – сказал я с трудом, – все в руке Господа. Герцогу пришлось срочно ехать в Турнедо, для него создание могучего Арндского королевства куда важнее крохотной короны Сен-Мари, а мне, увы, нужно двигаться с войском навстречу Мунтвигу... Прости, Дженни, что все вот так... ничего я и не успел, но сейчас тебе с Элинор лучше немедленно вернуться в Брабант.

Она вскрикнула:

– Но... разве корона не важнее?

Элинор нахмурилась, а я сказал торопливо:

– Дженни, дело в том, что все владения короля Гиллеберда я передал ордену Марешаля. Земли и замки ламбертинского герцога Блекмура – тоже. Я имею в виду личные владения. Так что уже сейчас экономическая мощь ордена равна королевской, а возможностей у герцога Готфрида в самом деле будет больше, чем у любого короля. Хотя, если честно, я бы все-таки на его месте сперва завершил все здесь. Корона правителя Сен-Мари не такая уж помеха для великого магистра! Оставил бы меня заместителем, я не стал бы отбиваться.

Элинор обняла нас с Дженифер, несколько мгновений мы стояли тесно, и я вдыхал сладкий аромат женских тел, потом она отстранилась и сказала серьезно:

– Беспокоишься из-за Кейдана?

– Да, – ответил я. – А ты?

Она покачала головой.

– Дженифер нужна была ему из-за Брабанта. Но сейчас Брабант не отгораживается от Сен-Мари, а Кейдану, как мне кажется, есть о чем подумать помимо Брабанта.

Дженифер поглядывала то на меня, то на Элинора. Я сказал с неприязнью:

– Я ему не доверяю. По морде видно, пакостный человек! Потому вам лучше обратиться. На время.

Элинора спросила быстро:

– На какое?

– Пока я вернусь, – сказал я серьезно. – Я вернусь! И со всех спрошу.

Она посмотрела на меня пристально.

– Да уж... некоторых уже сейчас трясет.

Дженифер сказала слабо:

– Да? А я больше почему-то замечаю, как многие злорадствуют.

– Я вернусь, – ответил я мстительно, – и устрою Страшный Суд! И будет плач и скрежет зубовой... Простите меня, но вот там вроде бы отец Дитрих.

– Он самый, – подтвердила Элинора с неприязнью.

– Простите, я вас покину...

Отец Дитрих как заметил меня, развернулся всем телом, я увидел суровые вопрошающие глаза.

– Отец Дитрих, – заговорил я еще издали, – уж простите

меня великодушно, однако сами видите, я всеми фибрами и жабрами хотел в тот Храм Истины, однако теперь...

Он вздохнул, мелко перекрестил меня.

– Да, суета сует... Вот так и жизнь проходит в боренье с химерами. Однако, мне кажется, ты меня не совсем верно понял.

– Отец Дитрих?

Он взял меня за локоть, пальцы у него на диво цепкие, огляделся и повел к выходу на балкон. Я кивнул сопровождавшим меня телохранителям, и они сразу закрыли дорогу своими телами.

С балкона открывается дивная картина прекрасного Геннегау, но отец Дитрих повернулся к парапету спиной, на меня взглянули мудрые глаза много прожившего, много повидавшего и много понявшего в этой сложной жизни.

– Сын мой, – произнес он мягко, но с укором, – ты не совсем верно меня понял... или я не сумел объяснить достаточно внятно.

– Отец Дитрих?

Он сказал со вздохом:

– Я рекомендовал тебе побывать в Храме Истины вовсе не от имени церкви. И все еще рекомендую.

Я быстро вернулся в зал, ухватил ближайшее кресло и бегом принес на балкон.

– Отец Дитрих, прошу вас. Позвольте, помогу сесть.

Он с легким кряхтеньем опустился на сиденье, в спине

звучно хрустнуло.

– Благодарю, сын мой.

– Отец Дитрих, – напомнил я, – вы рекомендуете посетить Храм Истины... от себя лично? Почему?

– Увы, сын мой, – сказал он невесело, – церковь, в силу того что ее идеалы должны принять сердцем как можно больше людей, подстраивается под их вкусы... нет, требования широких масс.

– И уровень? – подсказал я.

– Да-да, – сказал он, – спасибо. Именно уровень. Люди все-таки в массе хорошие и простые, совсем не герои и не подвижники. Их пугают рассказы о великих аскетах, занимавшихся истязанием плоти, им нужны более простые и понятные примеры того, почему нужно жить по-христиански, а не... язычески.

Я воскликнул с жаром:

– Это я как раз понимаю, отец Дитрих!

– В самом деле? – спросил он с сомнением. – Ты ведь так молод и горяч...

– Да, – сказал я торопливо, – но я как бы зело ленив ввиду развращенности комфортом... ну, нашими современными удобствами, ишь, мясо жарим уже и на сковородках, какой позор и падение нравов! Потому я и сам хотел бы упрощенного христианства, чтобы и христианином быть, и ничего для него не делать. Но я рыцарь, понимаю, делать надо и через «не хочу», но простой народ через это «не хочу» пере-

ступить не может.

Он посмотрел на меня пытливо и с одобрением.

– Понимаешь, – проговорил он с некоторой озадаченностью, – а с виду ты... гм... так мускулист и силен, что тебе мозги как бы и вовсе ни к чему.

– Спасибо, святой отец, вы мне польстили.

– Помнишь, – сказал он, – я как-то говорил о Тертуллиане?

– Да, отец Дитрих!

Он вздохнул, отвел взгляд.

– Тертуллиан сделал для церкви едва ли не больше, чем все апостолы вместе взятые, ну, за исключением Павла. Тертуллиан заложил основы, фундамент учения, однако церковь отказывается признавать его учителем церкви.

– Из-за его характера?

– Отчасти, – сказал он. – Отчасти. Его пылкий и непримиримый характер позволял ему одерживать сокрушительные победы в диспутах с языческими мудрецами, однако он с таким же неистовством громил и церковные постулаты, упрекая в мягкотелости, терпимости, беззубости... Его не отлучили от церкви только потому, что тогда такой процедуры еще не существовало, но у многих иерархов церкви и сейчас начинается нервный тик, когда слышат его имя или приходится читать его работы. Так вот, сын мой, в Храме Истины, можно сказать, одни тертуллианы...

– Ого!

Он вскинул руку.

– Погоди, погоди. Ты же знаешь, что, если бы тертуллианов было слишком много, мир бы рухнул. Только дети искренне верят, что можно получить все и сразу, но взрослые знают, что, увы, мир тяжел и неповоротлив. Если попросить Тертуллиана помочь вытащить телегу из грязи, он потянет коня с такой силой, что оторвет ему голову! Ты понял, надеюсь.

– Да понял я, понял, – сказал я с тоской. – Но без тертуллианов телег вообще бы не построили!

– Тертуллианцы, – сказал он, – могут дать несравнимо больше, чем вся церковь... но только такому же, как и они и кто может принять их дары, не уронив на ноги. Потому я и советую тебе пройти испытания в их Храме... от своего имени, хоть и тревожусь за их исход.

Он оперся обеими руками на подлокотники, напрягся. Я успел подхватить вовремя, и великий инквизитор поднялся, уже снова суровый и с непроницаемым лицом, чуточку недовольный даже, будто потому, что приоткрылся до такой степени.

Я торопливо преклонил колени и поцеловал ему руку.

– Спасибо, отец Дитрих... Спасибо!

Глава 3

Сэр Жерар, которого я вообще-то привык видеть возникающим на пороге моего кабинета, незаметно сопровождает меня всюду и появляется, как только начинаю искать его взглядом.

– Ваше высочество?

– Снова не дают поспать сладко, – сказал я раздраженно, – и понежиться на заре под пенье петухов.

– Под пенье петухов? – спросил он. – Вот уж не думал, что под их отвратительные крики кто-то нежится. Или это вы... поэтически?

Подошел граф Фортескью, сдержанный, величавый и внушающий, каким и должен быть глава Министерства по делам иностранных королевств.

– Я бы их всех поубивал, – поддержал он светскую беседу, – но отгоняют нечистую силу, так что пусть орут... Э-э... поют. А что стряслось, ваше высочество?

– Отбуду сразу после коронации, – сообщил я шепотом, – унесся бы и сейчас, но... Из Турнедо я поведу навстречу Мунтвигу те войска, что расквартированы в королевстве, там самая надежная и боеспособная армия. А также придется забрать армии из Ламбертини и Мезины, что вообще-то рискованно.

– Даже очень, – заметил сэр Жерар холодно.

Я сказал с тоской:

– Надеюсь, скоро получу более подробные данные о Мунтвиге. Мы даже не представляем, что у него за силы! Если подберет всю или почти всю армию Карла, да еще с собой приведет вдвое больше...

Жерар сказал так же деловито бесстрастно:

– Ваше высочество, я пойду готовить надлежащие указы прямо сейчас.

Я наклонил голову, отпуская, он коротко поклонился и удалился. Фортескью сказал негромко:

– Ваше высочество, с вашего позволения я послал гонцов во все королевства, что окажутся на пути Мунтви́га. Как бы они к нам ни относились раньше, но сейчас это естественные союзники.

– С какими предложениями?

– Союз и взаимопомощь, – ответил он.

– Вы все сделали верно, – сказал я, – и... спасибо, граф.

Он поклонился.

– Ваше высочество?

– Что приняли такое решение, – пояснил я, – не дожидаясь, что скажу я. Министерство иностранных королевств в надежных руках.

Телохранителей в коридоре прибавилось, как и слуг, я прошел к своему кабинету, дверь услужливо распахнули, я насторожился, рассмотрев в кресле у моего стола мужчину в таком черном плаще, что рядом сама чернота показалась бы

белой, на голове такая же черная шляпа с молодецки загнутыми краями, на тулье загадочно помигивают звезды, а если присмотреться, то можно рассмотреть и спиральные галактики.

Он вскочил, едва не опрокинув кресло, сорвал с головы шляпу и красиво раскланялся.

– Принц... мое глубочайшее почтение...

– Здравствуйте, – буркнул я, – сэр Сатана. Да сидите, сидите! Разве ваша гордыня позволяет вам вскакивать кому-то навстречу?

– Гордыня не позволяет, – ответил он бодро, – а вежливость просто настаивает!.. Ваше высочество, я с глубочайшим сочувствием хочу выразить искреннее сожаление по поводу... этого случая... с Мунтвигом.

Я сказал саркастически:

– Ну да, можно подумать, что не ваших рук дело. Да сядьте же! А то как издевательство какое... непонятное.

Он опустился в кресло, очень серьезный и растерявший светскую ироничность.

– Моих, – произнес он сдержанно, – или не моих, это ни при чем. Я вовсе не хотел причинять вам не только неприятностей, но даже беспокойства. Я в восторге от вашего размаха, ваших преобразований... и чтоб все это смахнуть нашествием какого-то северного варвара?

– А как же, – сказал я едко, – насчет вредить всегда, вредить везде, вредить до дней последних донца? Вредить – и

никаких гвоздей?

Он усмехнулся, покачал головой.

– Сэр Ричард, вы запомнили обо мне только то, что я, дескать, поссорившись с Творцом, который заставлял нас, ангелов, поклониться человеку и признать его царем вселенной, поклялся вредить этому самому созданию, чтобы доказать его недостойным такого высокого звания. Остальное просто пропускаете мимо ушей. Да и то... та информация пришла к вам от моих противников.

– Вас я тоже слушал очень внимательно, – ответил я. – Так что не совсем односторонне, если уж быть справедливым.

– Да? А то, что я для вас то же самое, что и дьявол? И что сию в аду и тыкаю вилами в бок грешников?

Я ощутил некоторое смущение, все-таки в самом деле долгое время считал примерно так, хотя сейчас понимаю, как это глупо, но выказывать свои чувства перед Сатаной не стал, еще чего не хватало.

– Но все-таки, – сказал я примирительно, – грешники где-то отбывают наказание?

Он посмотрел на меня с жалостью.

– Вы что, Библию не читали? Я вот, к примеру, ее наизусть помню. Ад был создан для восставших ангелов, не знали?... Именно для них!.. Людей тогда вообще не было. А первые попали туда очень не скоро, так как жили почти по тысяче лет!.. И первым туда попал Адам, хотя Каин погиб раньше... Но потом, конечно, ад расширялся, совершенствовался.

ся, ибо появились грехи, как вы понимаете, которых просто не могли знать ни Адам с Евой, ни даже целомудренные с нынешней точки зрения их внуки... Сейчас там целый мир, сэр Ричард!.. Я не руковожу адом непосредственно, для этого существуют демоны, но могу устроить вам занятную прогулку.

– Нет уж, спасибо.

– Мое дело предложить, – ответил он любезно. – Это расширило бы ваше понимание мира.

– Я бы предпочел сузить, – ответил я. – А то человек слишком широк.

– Хорошо сказано.

– Не мною, – уточнил я. – Нужно сперва сузить человека, очень сильно сузить, пустить его буквально по лезвию ножа, чтоб ничего лишнего, а потом постепенно можно и расширять сверкающее лезвие... Но это будет уже расширение христианского мира, а все остальные язычества останутся внизу во тьме.

Он фыркнул:

– А как же всестороннее развитие человека, которое пропагандирую я?

– Всестороннее, – ответил я, – это развивать во все стороны? Светлые и темные?

Он поморщился.

– Что у вас за примитивное деление? Нет Света и Тьмы! Я говорю о развитии всех способностей и возможностей че-

ловека! О гармоничном развитии.

– Хорошо, – сказал я, – это значит, развивать среди всего остального способность врать, предавать, подличать, убивать в спину, о возможности идти по трупам к богатству, власти, известности...

Он вздохнул, закатил глаза.

– Это все ярлыки, не отражающие суть. Человек, как вы однажды сказали, а я запомнил, начал соревноваться с другими с момента, когда покинул семенники и помчался к яйцеклетке, стремясь обогнать остальных триста миллионов таких же... Если он и не ставил другим подножки, то лишь потому, что еще не умел или еще ноги не выросли. Но как только научился... Однако, горячо сочувствуя вам, я бы подсказал вам решение...

Я поморщился.

– Спасибо, но я уже взрослый.

– Даже седобородые короли, – произнес он серьезно, – прислушиваются к советникам.

– Вот когда отрастет седая борода, – отрезал я, – и я наверняка выживу из ума...

– Сэр Ричард, – прервал он. – У вас грандиозные планы насчет экспансии на Южный континент, у вас уже есть флот или хотя бы часть флота, почти готова железная дорога... вам просто нужно оставить все по ту сторону Большого Хребта! Просто бросить все и забыть! Вы не потянете, вы сами это понимаете. У вас переломится хребет. Вы рас-

теряете и то, что здесь, по эту сторону Хребта. Без вас сгинет флот, растащат на железо рельсы... и все вернется в привычную дикость. Привычную для них, ужасающую для вас. Хотя, скажу с удивлением, вы сумели приспособиться с удивительной легкостью. Похоже, люди со временем не теряют жажду жизни...

Я рухнул в кресло и сжал голову ладонями. Он подошел ближе, я чувствовал его ладонь, что зависла на моим плечом, но так и не коснулась.

– Все бросить? – прошептал я. – Да, это было бы разумно...

Его голос прозвучал над моей головой с явным облегчением:

– Вы приняли верное решение. Тяжелое, но верное.

– Что? – переспросил я. – Разве я уже принял?

– Думаю, да.

– Еще нет, – ответил я сквозь зубы. – Самое разумное решение... не всегда самое лучшее.

Я поднял голову, он смотрит с явным сочувствием.

– Все остальное – катастрофа. Быстрая.

– Страх перед катастрофой, – проговорил я с трудом, – лишь увеличивает ее вероятность.

Он покачал головой, а в голосе прозвучала неподдельная горечь:

– Люди еще меньше учатся на своих ошибках, чем насекомые.

– Однако насекомые правят миром, – сказал я. – Они непобедимы. А умничающих динозавров уже нет... Нет, я все-таки рискну. Как бы это не было глупо. Нет, глупо – не то слово. Безрассудно... да, безрассудно. Потому что рассудок наш еще молод, не всегда успевает все просчитать и решить действительно правильно.

Он с досадой ударил кулаком в раскрытую ладонь.

– Как вы можете это говорить?

– Что именно не нравится?

Он сказал со все нарастающим раздражением:

– Рассудок!.. Разум!.. Это самое ценное, что есть у человека!

– Да? – спросил я с сомнением. – Я тоже так думал.

– А теперь?

Я ответил медленно:

– Теперь... не уверен.

Он прислушался к шагам в коридоре, отступил к стене и вошел в нее без остатка.

Жерар появился бесстрастный и еще более угрюмый, чем обычно, но повел носом, словно ощутил запах серы, хотя Сатана уходит всегда бесшумно и без всяких запахов.

После того, как постоял с каменным лицом и отсутствующим взглядом, я вздохнул и сказал с легким раздражением:

– Сэр Жерар.

– Ваше высочество...

– Что там?

– Ваше высочество, – произнес он голосом, не предвещающим ничего хорошего, – к вам герцог Чарльз Фуланд, вельможные лорды Фридрих Рюккерт, Карл Кнебель и Оскар Лаубе.

Я ответил настороженно:

– Проси.

Он отступил и не просто оставил дверь открытой, а распахнул и вторую половинку, что делается только для особо торжественных или церемониальных случаев.

В кабинет лорды вошли важно и церемонно, с неспешностью испанских голионов, груженных золотом Монтесумы. Я с трудом удержался от непроизвольного желания отвесить поклон, словно это я к ним вошел, а они определяют, какую работу мне поручить на кухне.

Все держатся с властью высших лордов, у которых и земельные владения побольше, чем у короля, а дружины поллучше, и золота в разы, так что на самом деле короля выбирают они, что бы там ни хотели другие лорды, которые попроще.

На этот раз все при полном параде, и хотя не в доспехах, но бриллиантов на одежде и драгоценных камней столько, что та же защита.

Остановились, что показалось мне похожим на боевой порядок, так корабли готовятся к залпу, чуть-чуть наклонили головы вместо традиционного поклона, плохой признак.

– Лорды? – сказал я вопросительно.

– Ваше высочество, – ответили они почти в один голос.

– Что привело вас на ночь глядя? – спросил я. – Кстати, проходите дальше, располагайтесь. Вина?

Герцог Чарльз Фуланд, как самый старший, величественно и неспешно сделал отмечающий жест.

– Нет-нет, спасибо. Мы зашли на минутку, рассаживаться некогда.

В ровном голосе я не услышал враждебности, скорее, как бы слегка извиняющуюся нотку, вроде того, уж простите, но приходится вам отрубить голову, не обижайтесь, жизнь такая вот смешная.

– Слушаю.

Он заговорил достаточно почтительно, но твердым и властным голосом именно верховного лорда, облеченного властью и полномочиями:

– Ваше высочество, вы знаете... просто не можете не знать, что, когда шла подготовка к избранию нового короля, большинство стояли за герцога Готфрида.

Я ответил настороженно:

– Да, слышал такое.

– Чуть меньше, – произнес он, не поведя и бровью, – было за прежнего короля Кейдана.

– И эти слухи доходили, – ответил я.

Он ответил так же ровно:

– А еще где-то каждый десятый высказывался за вас, ваше высочество.

– Я польщен высоким доверием, – ответил я. – Теперь что-то изменилось?

– Как и ожидалось, – произнес он с холодным сочувствием, – после внезапного отъезда герцога Готфрида в Савуази, чтобы принять должность великого магистра ордена Маршала, многие ощутили себя оскорбленными таким пренебрежением к выборам короля...

– Но не слишком же, – пробормотал я.

Похоже, Фуланд, как и другие, заметил по моему лицу, что и я предпочел бы, чтобы герцог принял сперва корону, а орден оставил на потом, потому что ответил почти с сочувствием:

– Увы, ваше высочество.

– Насколько? – спросил я.

Он ответил ровным голосом:

– Большинство ощутили себя задетыми настолько, что высказываются за Его Величество Кейдана.

Я охнул, в глазах потемнело, пальцы мои вцепились в спинку кресла с такой силой, что там треснуло. В голове резко застучали острые молотки.

– Что? – спросил я сразу охрипшим голосом. – Но это... это невозможно!

– Почему? – спросил он. – Почему?

Остальные молчали, с виду совсем равнодушные, но я видел в их глазах и сочувствие ко мне, и поддержку позиции герцога Фуланда.

– Кейдан уже не король! – сказал я зло. – Какой он король, если прятался в Ундерлендах?

Фуланд чуть поморщился, а Фридрих Рюккерт напомнил достаточно живо:

– Ваше высочество, сейчас он в Геннегау.

– Да какая разница! – выкрикнул я. – Он убежал от меня!

– От отступил под натиском превосходящих сил, – уточнил Фуланд. – И вообще... мы не обсуждаем действия Его Величества. Мы пришли сообщить вам заранее о своей позиции. Нам это показалось... более достойным, чем просто поставить вас перед фактом.

– Спасибо за рыцарский жест, – ответил я едко, – однако я намерен сделать все, чтобы не допустить Кейдана к трону!

Глава 4

Фуланд помолчал и развел руками, но взгляд его, как и остальных, оставался тверд и ясен. Я походил в раздражении по кабинету, хотелось что-то пнуть, разбить, наконец остановился перед герцогом и тоже уставился на него со злым нетерпением.

– Ну и?

Он произнес так же холодно:

– В выборах участвуют только местные, как вы и распорядились... несколько опрометчиво. Хотя иначе вообще-то было нельзя, ваше решение было продуманным, ваше высочество. И что вы сделаете, когда лорды выскажутся за Кейдана?.. Зальете королевство кровью?.. Будете истреблять местное рыцарство, аристократов, все дворянство?.. Простолюдинов тоже придется истреблять, ибо они за своих господ, как вы знаете... Как вы поступите?

– Не знаю, – рыкнул я. – Но выход найду!.. Меня не так просто прижать к стене рогатиной!..

Он ответил ровным голосом:

– Как знаете, ваше высочество. Я только хотел бы избежать гражданской войны.

– Я тоже!

– Мы знаем, – сказал он почти с сочувствием, – вы с момента вторжения очень сильно укрепились, а ваша армия

здесь превосходит численность дружин сен-маринских лордов. Не говоря уже, что еще одна армия утихомиривает окончательно сломленный Гандерсгейм. Однако наши замки и крепости надежны, туда уже свезены запасы провизии... да-да, мы предполагали, что может произойти!.. и наше достоинство рыцарей и благородных людей не позволит нам смириться с чуждой властью, которую не мы выбрали!

– Тогда вам придется выбрать меня, – прорычал я люто, – и гражданской войны не будет!

Он развел руками.

– Как мы можем выбрать вас королем, когда у нас есть Его Величество Кейдан?

– Вы считаете его достойным королем?

Он покачал головой.

– Увы... скажем откровенно, здесь все люди серьезные и зрелые, да, герцог Готфрид самый удачный претендент, и он был бы устраивающим всех королем. Он и сенмаринец, и герцог, и герой войны... не только в Гандерсгейме, ведь это он привел вас с той стороны Большого Хребта и ударил вместе с вами варварам в спину!

А Рюккерт добавил с патетическим восторгом, уж не знаю, насколько он искренен:

– После чего разбил в битвах и гнал в пустыню, где и закончил разгром! Однако, уж простите за прямоту, после его отказа остается только Его Величество король Кейдан.

Я сказал зло:

– Раньше вы его называли просто Кейданом!

– А теперь, – согласился он, – Его Величеством. Вы не знаете, видимо, но часть лордов после отъезда герцога Готфрида тут же переметнулись к Его Величеству и даже присягнули на верность?

Я вздрогнул, острая тревога больно сжала сердце. Этого в самом деле не знал. Похоже, лорды кое-чему от нас научились и действуют так же быстро и скрытно.

– А не предательство ли это интересов Сен-Мари? – спросил я.

Он выпрямился, во взгляде надменность уже начала зашкаливать.

– Ваше высочество, – произнес он все тем же до предела вежливым голосом, что равен оскорблению, – вы бросаетесь тяжкими обвинениями в адрес благородных рыцарей! Интересы Сен-Мари мы связывали и связываем с... Сен-Мари. Раньше их олицетворяли Его Величество король Кейдан, затем после его бегства от варваров и победного вторжения в их лагеря герцога Готфрида множество лордов поговаривали, что герцог был бы более достойным королем... А тут еще оказалось, что он ваш отец...

– А я его почтительный сын, – напомнил я. – Потому я, можно сказать, тоже сенмаринец.

Он покачал головой.

– Если бы вы женились на одной из знатных женщин нашего королевства, то... может быть, да, может быть. Однако

герцог уехал, ваше высочество, и не желает принимать коро-
ну. А когда нам приходится выбирать между вами и Кейда-
ном, то, простите, рыцарская честь и верность диктуют нам,
как поступать по справедливости.

Он говорил ясно, четко, ни тени сомнения не прозвучало
ни в его чистом голосе, как не увидел я колебаний в лицах
и взглядах его соратников.

Он, как и все рыцари, что признали Кейдана своим коро-
лем, гордо и красиво пойдут в кровавый бой, так же гордо и
красиво сложат головы, о них будут слагать песни, а я везде
предстану кровавым тираном-узурпатором.

– Знаете, – сказал я сдержанно, – давайте окончание раз-
говора отложим до выборов короля.

Он поклонился, отступил.

– Как скажете, ваше высочество. Лишь бы это не было
поздно. Ваше высочество...

– Лорды, – ответил я церемонно, стараясь, чтобы голос
прозвучал холодно, но сам уловил в нем жалобно-щеляющую
нотку.

Сэр Жерар переступил порог и плотно закрыл за собой
дверь, как только я перестал слышать в коридоре шаги вер-
ховных лордов.

– Ваше высочество, – произнес он, пренебрегая протоко-
лом, – как вы?

Я спросил со злостью:

– Но почему? Почему от нас так резко... отшатнулись?

Он покачал головой.

– Я бы не сказал, что резко. Изначально только часть сен-маринских лордов приняла нас искренне, да вы это и сами знаете, только тогда в упоении на такой пустяк внимания не обращали. Другие признали вас только по необходимости, подчиняясь явной силе. А потом, когда рассмотрели вас, все увидели, что под вашей рукой королевство хоть и достигнет вершин славы, однако вы – сильный правитель, а сильный всегда подрезает крылья могущественным лордам, что постоянно его в чем-то да сдерживают и ограничивают.

Я вздохнул, подтащил к себе по столешнице тяжелую чашу с вином, но пить не стал, задумался, спросил с неуверенностью:

– Опасаются Великой Хартии и здесь, в Сен-Мари?

– Вы и без хартии их прижали, – напомнил он. – Потому даже те лорды, что сперва приняли вас с восторгом, начали подумывать, а стоит ли ради величия королевства жертвовать своими свободами и вольностями?

– Кейдана они ни во что не ставят, – согласился я. – Такой король удобнее всем этим... слишком самостоятельным.

Он смотрел на меня привычно мрачно, ожидая распоряжений, я молчал, заново напоминая себе, что власть в королевстве мы сумели захватить, используя внезапность нападения, и то, что армию якобы ведет герцог Готфрид Брабантский. Большинство лордов Сен-Мари симпатизировали ему. В его глухом сопротивлении Кейдану лишить Брабант неза-

висимости, он как бы отстаивал и их свободы.

А дальше, быстро установив гарнизоны в ключевых постах, мы сумели убедить местных лордов, что на их власть не посягаем, а в королевстве перемены будут только к лучшему.

– Период растерянности прошел, – сказал я горько, – мы так и не доказали, что с нами жить лучше...

– Доказали, – возразил он и добавил почтительно: – Ваше высочество...

– Так почему?

– А что такое «лучше»? – спросил он. – Да, богаче. Да, появился флот и выход в океан. Началась бурная торговля с севером через Тоннель...

– Ну-ну?

– Но вы посягнули на их власть, – напомнил он. – Для них это важнее, чем все те блага. Потому, общаясь друг с другом, они не только пришли к выводу, что чужаков нужно отодвинуть от управления, но и придумали, как это сделать.

Я кивнул.

– Похоже, основные разногласия между собой постепенно преодолели, даже соперничество на время забыто. И вот, на тебе, почти единый фронт...

– Что теперь?

Я процедил сквозь зубы:

– Еще не вечер. На голосовании могут быть сюрпризы. Кстати, пошлите срочно гонца к стальграфу Филиппу Мансфельду. Прямо сейчас.

В это утро дворец проснулся настолько рано, что, возможно, и не засыпал. Куно уже прибыл из поездки по королевству и, еще не войдя внутрь, распорядился прислать дополнительных поваров и слуг для вельможных гостей, нечего им бездельничать в домах богатых геннегауцев.

С его появлением все стало несколько упорядоченнее. Я вызвал барона Эйца и велел тихонько, не привлекая особого внимания, усилить охрану дворца.

Он поклонился, хмурый и настороженный.

– Ваше высочество, осмелюсь заметить, у меня недостаточно людей, чтобы охранять дворец, если...

– Что «если»? – спросил я резко.

Он вздрогнул, вытянулся.

– Ваше высочество, если даже я знаю, то вы точно слышали... И о том, что король Кейдан приготовил переворот и что у него сил больше.

Я пробормотал:

– Как раз насчет переворота я не слышал. Думаю, просто слухи. Люди обожают преувеличивать, так жить интереснее. Если наших мало, тогда сосредоточьтесь на охране моего крыла и моих личных покоев. А к городу уже спешит рыцарская конница стальграфа Мансфельда. Я ее еще вчера вызвал.

Он вздохнул с великим облегчением.

– Это будет неслабая помощь. Еще бы и арбалетчиков хо-

тя бы сотню...

— За конницей спешат пешие части, — заверил я. — Я распорядился и насчет четырехсот арбалетчиков. Надеюсь, подоспеют до голосования. Или хотя бы вовремя.

Он сказал сумрачно:

— От этого зависит, уцелеют ли наши головы. Хорошо, ваше высочество, я пойду крепить оборону.

Утренние часы тянулись отвратительно долго и тревожно. Я ходил взад-вперед по кабинету и мычал от злости, стараясь понять, как случилось, что я почти один в огромном чужом городе, который сдуру считал своим, как получилось, что Палант и Растер с троллями сдерживают Буркхарта в королевстве Вендовер, рядом в Ламбертини устанавливают новый порядок Будакер и Альбрехт, вот уж кого так не достаёт, Ришар беспечно наносит на карту береговую линию Сен-Мари и прочих королевств, если они там есть, верный Меганвэйл объезжает войска в Ламбертини и следит, чтобы лорды не вздумали поднимать головы, Шварцкопф укрепляет мою власть в Мезине, Макс в Турнедо проводит маневры больших масс копейщиков, обучая их взаимодействовать с конницей.

Даже лорды второго и третьего плана, но тоже верные и преданные, как сэр Бальдфаст Бредли, сейчас в дальних королевствах, принуждая их к мирной жизни, некоторые соратники вообще занимаются ерундой, как вон Боудеррия, что охотится на всякую нечисть.

И, главное, все мои могучие армии, набранные и обученные по новым стандартам, как назло – в далеких Ламбертии и Мезине, а в Сен-Мари только две турнедские: сталь-графа Филиппа Мансфельда и рейнграфа Чарльза Мандершайда.

Дверь приоткрылась, я не видел, кто вошел, но обостренное в минуты опасности чутье уловило запахи, даже ароматы, и сразу нарисовало образ настолько чудесной женщины, идущей прямо в мои загребушие, что я проговорил сквозь зубы:

– Бабетта?

Она шла ко мне с выражением полнейшего сочувствия на лице, даже обе руки вытянула, и я поднялся, дал себя обнять, а она сказала мне в грудь:

– Как это ужасно...

– Да, – согласился я, – но ты это уже говорила.

Она чуть отстранилась, взглянула снизу вверх.

– Когда?

– Вчера, – ответил я. – Это же ты приходила в черном плаще и в шляпе с пером? Прямо из стены?

Она покачала головой, в глазах появилась тревога.

– Ты не болен?

– Значит, не ты, – сказал я с удовлетворением. – Понятно, вторая попытка... Давно известно, где Сатана сам не может, туда посылает женщину. Итак, ты хочешь сказать, что мне надо оставить по ту сторону Большого Хребта все-все,

закрыть Тоннель и сосредоточиться на преобразовании Сен-Мари?

Он не отрывала от моего лица настолько удивленного взгляда, что даже ротик приоткрыла в удивлении, что ее несколько не портило.

– А ты откуда знаешь, – проговорила она почти шепотом, – что я хотела сказать именно это?

Я сумел усмехнуться, несмотря на едкую горечь, разливающуюся в груди.

– Ты просто повторила бы еще раз... Сэр Сатана, я не передумал! И отвечу вам в личине такой прекрасной женщины то же самое. Я попробую дать отпор! Еще не знаю как, но... попробую.

Она вздрогнула, зябко повела плечами.

– Рич, ты в самом деле болен!.. Ты весь горишь... Какой Сатана?

Я взялся одной рукой за крест на груди, другой коснулся ее плеча.

– А если скажу «Да воскреснет Бог...»

Она вскрикнула:

– Да я сама скажу это с тобой! Ричард, что случилось?

Я сунул крестик обратно за пазуху.

– Значит, – сказал я, – в самом деле Сатана, потерпев поражение, послал тебя... Бабетта, а чем императору... про твоего настоящего хозяина в черном плаще уж промолчу... выгоднее, чтобы я оставил Север и занимался Сен-Мари?

Только откровенно! Понимаешь ли, я уже научился чувствовать, когда мне врут.

Она примирительно усмехнулась.

– Да, я заметила, твои силы растут. По крайней мере, перемещаешься по королевствам даже быстрее меня. Но, увы, Ричард, этого недостаточно, чтобы связать их в единое целое.

– Тоже мне новость, – сказал я саркастически. – Так почему?

– Император, – сказала она нехотя, – полагает, что ты сумеешь создать развитое королевство, что войдет в империю Германа не так, как сейчас... а реально, когда твой могучий флот свяжет эти земли через океан...

– А что флот императора? – спросил я. – По слухам, это что-то необыкновенное? Да ты и сама меня им страдала.

– Да, – ответила она с заминкой, – только...

– Ну-ну?

– Имеются серьезные ограничения, – ответила она еще неохотнее. – Однако это не отменяет того, что флот императора всегда будет сильнее, что бы ты ни сумел построить!

– Да я и не задираюсь, – сообщил я. – Мой флот – это естественная необходимость растущего королевства для торговли, добычи полезных ископаемых, всяких там медных руд, железных, оловянных... но не брезгаю по бедности серебром и золотом. Других задач перед ним не ставлю.

Она вздохнула, как мне показалось, с облегчением.

– Император на это и надеется.

– Знаешь, Бабетта, – сказал я, – я здесь так часто слышал, что мужчины рождаются для битв и славной гибели, что уже и сам почти поверил. И хотя, как политик, я должен отбросить все сантименты и руководствоваться только холодным разумом... но я в таких случаях нехотая вспоминаю, что я – рыцарь. И я клялся на мече защищать тех, кто сам защитить себя не может. И потому я либо сложу голову, во что ну никак не могу поверить, либо раздеру Мунтвига и его армию, как Бобик тряпочку!

Она печально вздохнула, в ее глазах была мольба. Я поцеловал ее в лоб и, развернув к двери, подтолкнул в спину.

– Прости за этот дружеский жест... Но мне нужно подготовиться к выборам.

– Да, – ответила она уже на пороге. – Крепись.

Глава 5

В большом соборе на площади зазвонил колокол. Спустя минуту со всех сторон города поплыли тягучие, как застывающий мед, звуки колоколов помельче, но тоже важные, призывкие не только повелевать, но и видеть, что на их призывы откликаются немедленно и поспешно.

Первыми зашевелились лорды, расположившиеся со всеми удобствами в шатрах за стеной города. Я видел из окна, как неспешно выходят, неспешно одеваются, неспешно садятся на коней, ибо лорды все должны делать неспешно, суетливость обязательна именно для слуг и людей черного звания.

Снизу время от времени торжественно гремят фанфары, приветствуя кого-то настолько знатного, что прям из ушей выплескивается эта важность и спесивость.

Телохранители, чувствуя неладное, стараются держать между мной и остальными хоть какое-то пространство, но, когда я сошел на первый этаж, там в центре зала большая группа властных и сильных вельмож, в их числе герцог Фуланд, сэр Фридрих Рюккерт, Рудольф Герман Лотце, Вильгельм Рошер, Карл Людвиг Кнебель, Оскар Лаубе, Бенедикт Карберидж, Френк Ховард, Джералд Бренан, Джеймс Гарфильд, Уильям Дэвенант и Томас Фуллер, что по своему могуществу и влиянию по-прежнему оказывают заметное влия-

ание на жизнь в Сен-Мари...

Не двигая головой, я зыркнул чуть налево, там еще одна группка лордов, Трандерт, Жерар, Бульбоне, Витерлих, Анри Готмар, Бовман, Биллун... ундерлендцы, они хоть и шли за мной, но прекрасно понимают, что автономии Ундерлендам при Ричарде не видать, а Кейдан в благодарность за поддержку вообще может дать полную независимость.

Прямо перед лестницей стоят, гордо расправив плечи, герцог Боэмунд Фонтенийский и герцог Алан де Сен-Валери – первые и самые ближайшие советники и сторонники Кейдана, не оставившие его даже в изгнании. На лице Боэмунда полный триумф, а герцог Алан не может удержать рот от расползания в полную восторга простонародную ухмылку.

Мои телохранители взяли копыя на изготовку, а герцог Боэмунд медленно опустил ладонь на рукоять меча, глаза горят дикой радостью.

Следом за ним взялись за рукояти мечей еще несколько человек, все сильные и решительные, создававшие свои маленькие империи огнем и кровью и умеющие их отстаивать.

Я остановился за пару последних ступеней, внутри все клокочет от ярости и в то же время сжимается от ужаса и чувства неизбежности поражения.

– Я вижу, – сказал я громко, изо всех сил стараясь, чтобы голос не дрогнул и не выдал, как я чувствую себя на самом деле, – вы все готовы к выборам короля! Еще как готовы. Хо-

чу сообщить, что сейчас в Геннегау входит армия стальграфа Филиппа Мансфельда. Вы его знаете, он отразил высадку пиратов, так что к крови привык. А так как он турнедец и в Сен-Мари для него все чужое, то его люди зальют здесь все кровью со спокойной душой и не оставят камня на камне.

Боэмунд вскипел, его ладонь упала на рукоять меча.

– Пусть попробуют! – закричал он бешено. – Нас все равно больше!

– Но не все из вас воины, – отпарировал я. – А там – все, к тому же они прошли огонь и воду. Все-таки хотите потягаться?

От второй группы поспешно отделился герцог Фуланд, бросился между нами и простер руки в стороны.

– Тихо-тихо, – крикнул он таким мощным голосом, что оглянулись даже в дальних концах огромного зала, – имейте уважение к моим сединам! Никакого кровопролития не будет, обещаю.

Боэмунд кивнул в мою сторону и сказал едко:

– Вы обещаете и от его имени?

Фуланд даже не повел в мою сторону глазом.

– Принц Ричард, – сказал он строго, – не боится проливать кровь, но делает это лишь по острой необходимости. Вы тоже могли бы это заметить!

– Не заметил, – сказал Боэмунд дерзко, но руку убрал с рукояти. – Впрочем, сегодня выборы короля, и каждый получит свое!

– Получит, – подтвердил Фуланд. – Потому сейчас нам всем нужно пройти в зал, где и произойдут выборы. Ваше высочество, это в коронном?

– Нет, – ответил я. – В тронном. В самом деле, будем решать все проблемы демократическим путем. Прошу вас!

Я учтиво указал рукой в сторону тронного, однако Бо-эмунд заявил дерзко:

– Нам не требуется ваше разрешение, сэр Ричард!

Он пошел первым, раздуваясь от чванства, а за ним вся его группа. Остальные ундерлендцы, что раньше группировались вокруг герцога Ульриха с их отстаиванием автономии, колебались, но пошли за ними, постепенно сливаясь в одну большую группу.

Выборы короля предполагались по стандартной процедуре: каждый лорд заявляет, кого он хочет королем, но я тогда воспротивился и предложил более демократичный вариант: дабы потом король не отомстил тем, кто будет за другого, сделать голосование тайным.

Никто не понял, что это такое, а я предложил заготовить одинаковое количество черных и белых шаров, раздать лордам, и пусть вбрасывают черный шар или белый в ящик в зависимости от того, чье имя названо.

Лорды возмутились таким непотребством и диким предположением, что король как-то будет мстить или выражать нелюбовь тем лордам, кто голосовал против, но я настаивал,

убеждал, уговаривал, объяснял преимущества, и наконец те сдались.

И вот сейчас у каждого лорда по три белых шара и по три черных, по два на кандидата, все прячут их в рукавах, куда и делось страстное желание делать все открыто, вот так демократия и побеждает...

В зале яблоку негде упасть, столы вынесены все, чтоб не мешали, кроме тех, что на возвышении, там сидят важно и неподвижно, как толстые жабы на болоте, верховные лорды, им доверена процедура наблюдения за голосованием, а также подсчет голосов.

Во главе комиссия в составе герцога Фуланда, лорда Вильгельма Рошера и лорда Рюккерта, как наиболее доблестных и благородных как по происхождению, так и по незапятнанной репутации.

Генеральный церемониймейстер прокричал мощно, гордясь расширением своих функций:

– Голосуем за герцога Готфрида!.. Голосуем за герцога Готфрида!.. Напоминаю, если желаете его королем Сен-Мари, то опустите белый шар, если нет – черный...

Двое его помощников начали обходить лордов в зале, держа накрытый красным бархатом ящик. Голосующие по очереди совали под ткань руку и что-то опускали, но из-за широких рукавов увидеть, кто что положил, невозможно.

Когда обошли весь зал, ящик поставили на видном месте на столе. Возле него встал с мечом наголо королевский гвар-

деец.

Церемониймейстер прокричал еще мощнее:

– Голосуем за принца Ричарда!.. Напоминаю, если вы желаете его королем Сен-Мари, опустите белый шар, если нет – черный...

После обхода всех-всех ящик поставили рядом с первым, но спутать трудно, на каждом свой герб, а церемониймейстер провозгласил так же мощно и, как мне ревниво почудилось, еще торжественнее:

– Голосуем за Его Величество короля Кейдана!.. Напоминаю, если желаете, чтобы он оставался королем Сен-Мари, опустите белый шар, если нет – черный...

После долгого и утомительного обхода всех лордов в зале, как же их, оказывается, много, все ящики поставили на столе рядом, видные всем, а собравшиеся наблюдают, как верховные склоняют головы друг к другу, переговариваются, далеко не все скрывают, за кого голосовали.

Пересчитывают, кстати, в открытую, то есть достают шары и выкладывают на стол, а с ними считает и весь зал. Наконец Фуланд пошарил в ящике, демонстративно перевернул его над столом вверх дном.

– Подсчет голосов, – провозгласил он торжественно, – поданных за герцога Готфрида, закончен!

В зале задвигались в нетерпеливом ожидании. Фуланд что-то шепнул главному церемониймейстеру, тот медленно и важно обогнул стол и вышел вперед.

– Имею честь сообщить, – заявил он трубным голосом, – за доблестного герцога подано семьдесят два голоса!

В зале повисло короткое молчание, но едва церемониймейстер попытался вернуться к Фуланду, многие завопили:

– А общий счет?

– Сколько голосов?

– Черные почему не названы?

Фуланд поднялся и, опираясь руками о стол, потянулся к церемониймейстеру и что-то настойчиво проговорил на ухо. Тот кивнул, сказал с тем же натужным оптимизмом, сейчас совершенно неуместным:

– Черных подано триста девяносто два!

В зале наступила ошарашенная тишина, за моей спиной сэр Жерар пробормотал:

– Вот что значит отсутствовать на собственных выборах...

Я сказал свозь зубы:

– Сволочи, обиделись? Ничего, пожалеют!

За столом тем временем шел подсчет голосов за Кейдана, шары вытаскивали из ящика по одному и, демонстрируя залу, складывали на столешнице, а там их подхватывали и уносили.

Все ждали с нетерпением, пока судьи шептались, переговаривались, наконец результат шепнули церемониймейстеру, тот снова вышел впереди стола и провозгласил жирным торжественным голосом:

– За Его Величество Кейдана подано триста восемьдесят

белых шаров и восемьдесят четыре черных!

В зале многие вытаращили глаза, мне показалось, что даже те, кто хотел бы вернуть Кейдана, ошарашены таким количеством голосов в его пользу. Возможно, втайне полагали, что я приготовлю что-то особое и не допущу Кейдана вообще.

Напряжение в зале возросло, когда начали подсчет голосов, поданных за принца Ричарда. Многие вытирали раскрасневшиеся и взмокшие лица рукавами, но, когда в зал сунулся слуга с кувшинами холодной воды, его чуть не побили, выталкивая прочь.

Церемониймейстер дважды переспрашивал, судя по его растерянному виду и наклонам к Фуланду, наконец вышел вперед и вскинул руку ладонью вперед.

– За принца Ричарда, – провозгласил он мощно, остановился, охватывая орлиным взглядом притихший зал, а затем проревел с такой победной мощью, что я едва не подпрыгнул от радости: – Подано... подано... подано триста семьдесят пять голосов и только восемьдесят девять – против!

Кровь моя разом застыла, а свет померк в глазах. Я даже успел подумать, что не грохнуться бы в обморок, ну неужто я такой чувствительный, ну просчитался, первый раз, что ли, но все-таки с горечью понимал, что никогда еще так страшно и катастрофически не падал с высоты мордой на камни.

В зале словно взорвался вулкан. В воздух взлетали шапки, рукавицы, платки, крики перешли в рев, могучий и по-

бедный.

Герцог Фуланд поднялся во весь рост, вскинул руки, и, велик авторитет самого родовитого лорда, шум начал стихать, все повернули в его сторону головы.

Он произнес громко и властно:

– Во избежание возможных волнений и недоразумений в будущем мы продумали заодно и вопрос престолонаследия, ибо, как всем известно, у Его Величества двое прелестных дочерей, но нет сына, который мог бы впоследствии принять из рук отца корону и так же мудро править страной.

Он повернул голову к Рюккерт, тот воздел себя, величественный, худой и благородный настолько, что посрамил бы создателей рыцарских кодексов.

– Мне поручено, – провозгласил Рюккерт надменно, – сообщить, что Совет Лордов, который продолжает работу, постановил по результатам выборов короля провозгласить еще раз Его Величество Кейдана, а его наследником – принца Ричарда...

Я стиснул челюсти и несколько мгновений пытался подавить страшную ярость. В зале, хоть и продолжали кричать славу Кейдану, многие повернулись и заинтересованно уставились на меня.

За столом судей шушукаются и с тревогой посматривают в мою сторону, мой гнев понятен, и для того, чтобы его смягчить и повязать меня с их выбором, мне и навязывают это наследничество...

Я даже застонал, сердце вот-вот разнесет грудную клетку взрывом, в глазах уже кровавое море, но в зале и за столом смотрят на меня, я же рыцарь, должен вести себя достойно, в зале все рыцари и почти все намного старше меня. Я поклонился и проговорил с трудом, стараясь удержать лязгающую от ярости нижнюю челюсть:

– Прошу прощения у архиепископа Дитриха, отсутствующего здесь герцога Готфрида Брабантского и всего благородного рыцарства!.. Я хочу напомнить вам всем, что у герцога Готфрида есть законнорожденный сын Родриго от леди Элинор, благородной хозяйки замка Брабант, с которой герцог был повенчан тайным браком еще до того, как его побудили вступить в брак с благородной леди Изабеллой. С моей стороны будет неблагородным поступком пытаться вклиниться впереди Родриго, законного наследника. Потому я прошу утвердить принцем короны своего брата Родриго, а меня – вице-принцем, как и надлежит по писанным и неписанным законам, будь это правила престолонаследования, геральдики или просто здравого смысла!

Я отступил, поражаясь, как смог все это выговорить складно, будто это не меня трясет от ярости, словно не я рву их всех на клочья, разбиваю о стены, размазываю по плитам пола.

За столом наступило замешательство, я надеялся, что будет коротким, но лорды продолжали шушукаться, знатоки старинного права вступили в яростный спор друг с другом,

ибо в разных королевствах наследником назначается то старший сын автоматически, то король сам выбирает из своих сыновей, кому передаст трон, но это уходит в прошлое, ибо часто вызывает свары и гражданские войны, в последние поколения чаша весов начала склоняться в сторону права старшего сына в любом случае.

С другой стороны, я все-таки незаконнорожденный, и хотя бастарды зачастую сами становятся основателями династий, однако во имя спокойствия и для избегания гражданских войн в обществе обычно предпочитают путь закона, то есть трон должен переходить к прямому и законному наследнику.

Сэр Жерар прошептал за спиной:

– Мудрое решение, ваше высочество...

Я рыкнул:

– Молчи, удавлю.

Насколько помню, с этими престолонаследиями в самом деле каша, не случайно однажды российский цесаревич Павел разработал и подписал Акт о престолонаследии, чтобы исключить в будущем возможность отстранения законных наследников. Он вводил, как он сказал, наследование по закону, «дабы государство не было без наследников, дабы наследник был назначен всегда законом самим, дабы не было ни малейшего сомнения, кому наследовать, дабы сохранить право родов в наследствии, не нарушая права естественного, и избежать затруднений при переходе из рода в род».

Правда, и потом возникали всякие неприятные нюансы.

Лорд Фаулер поднялся во весь рост и сказал торжественно:

– Принц Ричард предложил без проволочек и долгих обдумываний, как он обычно это и делает, самое приемлемое решение... Итак, кронпринцем, наследником престола, назначается Родриго, законный сын герцога Готфрида, а сэр Ричард – вице-принцем!..

Он не успел сесть, как поднялся дотоле молчавший лорд Вильгельм Рошер, грузный, массивный и подавляющий уже только своим видом.

– Решение Совета Лордов, – прогудел он низким голосом, – основанное на волеизъявлении всех благородных лордов королевства, сумевших принять участие в выборах, объявляется окончательным и не подлежащим пересмотру!.. Мы довольны, что нашли компромисс между всеми главными силами, представленными в королевстве!..

Он посмотрел на Фуланда, тот широко улыбнулся и сказал раскатисто:

– Всем небольшой отдых, а через час в большом тронном зале предстоит коронация!.. Далеко не расходитесь!

Глава 6

Короновать собирались герцога Готфрида, но Кейдан и так король, потому церемонию сократили настолько, что от нее ничего не осталось.

Кейдана пышно и многословно поздравили с победным возвращением на трон, а мне с помпой и сложным церемониалом поднесли роскошную корону из золота, украшенную десятком крупных рубинов и множеством мелких.

– Сэр Ричард удостоивается короны вице-принца королевства Сен-Мари!

Рыцари дружно прокричали «Ура» и «Слава!», но я видел по их лицам, что большинство разочарованы. Компромиссные решения мало кому нравятся в мире мужчин. Все мы стремимся додавить противника, а если он еще и недовольно хрюкает, то вообще перерезать ему глотку с чувством полной правоты своих действий.

При первой же возможности я покинул торжество, но едва вошел в свои покои, что скоро перестанут быть моими, как Макдугал пропустил в кабинет барона Фортескью.

Очень серьезный и взволнованный, он взглядом указал моему секретарю, что все, спасибо, можете идти, тот посмотрел на меня, я кивнул, и Макдугал удалился.

Фортескью сказал шепотом:

– Я переговорил с Кейданом.

Я спросил люто:

– И вы на его стороне?

– Я на стороне Сен-Мари, – ответил он сдержанно, – но вообще-то, ваше высочество, вы прекрасно знаете, я предан вам всецело. Я никогда не забуду, что в темницу меня бросил Кейдан, а вытащили оттуда вы.

– И о чем, – перебил я, – вы общались?

– Я договорился, – сказал он шепотом, – о коротких переговорах... даже не переговорах, а коротком разговоре перед началом... ну, не гражданской войны, но все-таки серьезно-го противостояния.

Я сказал со злостью:

– Зачем? Ему не терпится меня еще раз унижить?.. Впрочем, давайте...

– Тогда прямо сейчас, хорошо?

– Действуйте, – сказал я обреченно.

Барон Эйц, бледный и решительный, готовый к смертному бою, сам проводил на этаж группу лордов, сопровождающих Кейдана, но там загородил дорогу и сказал резко:

– Дальше только Кейдан!

– Его Величество! – вскрикнул герцог Боэмунд взбешенно.

– Его Величество, – выговорил с трудом Эйц. – Остальные подождут здесь.

– Это дворец Его Величества, – заявил Боэмунд с торжеством. – И распоряжается только он!

Эйц нехорошо улыбнулся и вытащил меч из ножен.

– Да? – спросил он холодно и сказал страшным голосом: – К бою!

Телохранители за его спиной разом выставили копья. Острые наконечники уперлись в грудь Кейдана и герцогов. Лица моих стражей суровые, в охране только мои армландцы, наиболее преданные и готовые умереть за своего гротсграфа.

Кейдан, что продолжал держаться надменно и свысока, промолвил величественно:

– Тихо-тихо!.. Я не хочу омрачать первый же день возобновления моих прав на королевство... ручьями крови. Ждите меня здесь.

Я поспешно отошел от двери, успел сесть за стол, но решил, что это не совсем верно, поднялся, и тут одна из половинок распахнулась, вошел Кейдан.

Лицо у меня взбешенное, и, когда я шагнул навстречу, Кейдан напрягся, даже руки чуть приподнял, то ли будет хватать мои, когда брошусь драться, то ли еще что, но поза явно бойцовская.

Я процедил зло:

– Сэр Кейдан!.. Вы для меня просто Кейдан, даже «сэр» это из присущей мне вежливости, которую никак не вытравлю. И вот что я хочу сказать...

Он руки опустил, слушает внимательно, мне показалось, что ведет себя достойнее, чем я, а это недопустимо, чтобы кто-то меня передостоил.

– Я слушаю, – изрек он холодно.

– Избрали королем вас, – прошипел я, – но это ничего не значит! В моих руках армия!..

Он ответил ровным голосом:

– Не могу сказать, что в моих руках крепости и замки, но они и не в ваших, сэр Ричард.

– Ваше высочество! – сказал я с нажимом.

– Тогда я, – ответил он тем же ровным и холодным тоном, – Мое Величество.

Я презрительно оскалился.

– Ваше Величество? Да мне достаточно только бровью повести!

– И что же вам мешает? – спросил он так же холодно. – У вас же армия, не так ли?

– Вот как заговорили, – прошипел я с яростью. – Надеетесь на заступничество императора?..

Он надменно улыбнулся.

– Вас это волнует?

– Бабетта, – сказал я злобно, – к вам частенько бегают?.. Ладно, это неважно. Вы не король, и я буду делать в Сен-Мари по-прежнему все, что захочу!

Он вздернул брови, очень высокомерный жест, словно смотрит на пьяного конюха, что обещает обогнать его лучшую скаковую лошадь.

– Думаете, получится?

– Получалось же!

Он обронил почти с соболезнаванием:

– Тогда Мунтвиг не угрожал северным пределам ваших земель. И армии ваши не были весьма... далековато. Даже далеко.

– В Сен-Мари, – напомнил я, – армия стальграфа Филиппа Мансфельда, командующего первой ударной армией королевства Турнедо. Это полководец, что провел много битв и почти все выиграл!.. А еще здесь же армия рейнграфа Чарльза Мандершайда, у обоих очень закаленные и боеспособные армии. И они выполняют любой мой приказ!

– Армия стальграфа, – обронил он небрежно, – насколько помню, охраняет самое ценное для вас: бухту и флот. Это ведь самое-самое?.. А рейнграф растянул все свое войско вдоль побережья королевства, охраняет от вторжений... Если не оставить без защиты бухту и побережье, то я не понимаю, что вы можете сделать с прекрасно защищенными крепостями королевства, которых в Сен-Мари несколько сотен?

Я спросил резко:

– Значит, объявляете мне войну?

Он подумал, пожевал губами, вздохнул.

– Да, это мое желание. Весьма, надо признать, крепкое. До предела искреннее. Однако это та роскошь, которую пока что позволить себе не могу.

– Почему? – спросил я.

Он криво усмехнулся, с некоторым презрением взглянул мне в глаза.

– Боюсь, вам не понять. Вы прекрасный военачальник, но не правитель. Правитель старается избегать войн, а я понимаю, что вы в своем ослеплении и взбешенности способны повернуть северные войска и ввести их в Сен-Мари, и тогда многократный численный перевес будет у вас. Начнется долгая кровавая война. Лорды горды и упрямы, будут драться до последнего, защищая честь и достоинство. Вам всякий раз будут доставаться обгорелые руины, заваленные трупами, а на их залитых кровью камнях ваших людей будет оставаться втрое-вчетверо больше, чем защитников. Так всегда при осадах крепостей, вы это знаете, если вы в самом деле военачальник!

– И что? – спросил я. – Пат? Боевая ничья?..

Он кисло поморщился.

– Конечно же, я предпочел бы раздавить вас сейчас, пользуясь вашими непростительными промахами в политике и управлении большими территориями. И, если бы это можно было сделать одним движением, я бы сделал.

– Как и я, – заверил я. – С огромным удовольствием.

Он вздохнул, произнес с огромным сожалением:

– Но раздавить вас я могу только ценой большой крови и немалых усилий. Потому повременю до тех пор, пока вы сами сунете голову в петлю и взберетесь на скамейку. Уже зная вас, не сомневаюсь, что это будет скоро. Потому сейчас... да... вынужденное перемирие... вызванное временной невозможностью вести боевые действия.

Я спросил быстро:

– На каких условиях?

– Каждый делает свое дело, – ответил он. – Я занимаюсь королевством Сен-Мари, а вы отправляетесь на север, где схлестнетесь в героической битве с таким же... в общем, себе подобным мерзавцем.

Я спросил с подозрением:

– И что намерены делать в мое отсутствие?.. Если бы я пошел на такую сумасбродную сделку?

Он пожал плечами.

– Ничего особенного. Все останется так же, как и было. Я не люблю волновать народ переменами. А самое важное, к чему я так стремился, вы сделали за меня.

– Что я сделал за вас? – спросил я настороженно.

– Я с момента вступления на престол, – сказал он, – старался преодолеть усиливающийся раскол страны и вернуть в ее пределы Брабант и Ундерленды.

– А-а, – сказал я, – ну, насчет Брабанта помню. Когда вы вероломно, пользуясь властью короля, пытались выдать за муж мою сестру за какого-то из ваших дураков?

Он нервно дернул щекой.

– Во-первых, он не дурак, а приличный рыцарь из очень хорошей семьи с прекрасной репутацией. А во-вторых... вы разве не так постоянно поступаете, когда нужно оставить чей-то замок и земли в своих руках?

Я поморщился.

— Ладно, некоторые вещи делаем похожие, но это ни о чем не говорит. Хорошо, мы можем разграничить наши полномочия на бумаге и скрепить подписями?

— Я сторонник таких договоров, — ответил он. — Но... нужно ли это?

— Ну-ну, — поторопил я.

Он ответил бесстрастно:

— Мы оба стремимся и будем стремиться изменить равновесие в свою пользу. Так что никакие договоры не помогут. Просто сейчас наши интересы совпадают... на начальном этапе.

— Хорошо, — сказал я. — Так и поступим.

Я посмотрел на дверь, Кейдан все понял, но покачал головой и сказал твердо:

— Еще одно...

— Да?

Он сказал холодно:

— Для спокойствия в королевстве, что важно для вас еще больше, чем для меня, я бы предложил вам обращаться ко мне «Ваше Величество». Понимаю, как вам неприятно, однако... во-первых, все равно скоро отбываете навстречу Мунтвигу, а во-вторых, страна увидит, что никакого раскола, никакой войны, всем нужно трудиться, а не собираться в разбойничьи шайки. А лорды забудут о надеждах на автономии.

Я сказал с новым приступом безнадежной ярости:

– Как будто не распустите вожжи!

Он покачал головой и ответил с циничной усмешкой:

– Я объявлю, что в нашу договоренность входит закрепление существующего положения в стране.

– Хорошо, – сказал я зло, – жрите каштаны, которые я натаскал для вас из огня!

Он ничего не ответил, холодно поклонился не как король принцу, а как равный равному, но этого никто не видит, и направился к двери.

Я смотрел ему в спину с холодной злостью и чувствовал, что меня побили по всем статьям. Я в самом деле и объединил Сен-Мари, приструнил особенно оголтелых и наглых лордов, отрицавших королевскую власть, многим вообще срубил головы и отнял земельные владения, и вот теперь все это отдаю Кейдану.

Он уже взялся за дверную ручку, когда остановился и медленно повернулся. На лице раздумье, проговорил неспешно:

– Кстати, еще одна мысль...

Я сказал зло, чувствуя новые неприятности:

– Что?

– Возьмите обе армии, – посоветовал он, – эти, турнедские.

Я сказал резко:

– С какой стати? Они здесь охраняют...

– На мой призыв охранять бухту и флот, – ответил он, – дадут войска герцоги и верховные лорды Джералд Бренан,

Джеймс Гарфильд, Уильям Дэвенант, Томас Фуллер... Если обе турнедские армии уйдут через Тоннель на север, то сен-маринским лордам не будет острой необходимости держать наготове дружины в замках и крепостях.

Я подумал, поинтересовался:

– А охрана побережья?

– Вместо растянувшихся, – пояснил он, – вдоль береговой полосы отрядов велю поставить сигнальные вышки. Достаточно кучи хвороста и наскоро сколоченной вышки с двумя наблюдателями, чтобы подать сигнал всем на много миль вокруг. Думаю, это можно будет поручить герцогу Вирланду Зальскому, опытному полководцу, у которого своя армия в пять раз больше моей... Кстати, забыл сказать, все те земельные пожалования, что вы раздали своим сторонникам, останутся в их распоряжении.

– Почему?

Он посмотрел с холодным презрением, как на недоумка.

– Вы уничтожили самых ярых противников твердой власти короля. Как вы понимаете...

– Вам это на руку, – закончил я. – Какие еще идеи, о которых недоговариваете?

Он криво усмехнулся.

– Вы правы, есть идея заблокировать Тоннель с этой стороны. И вы тогда вместе со всеми войсками остались бы на той стороне.

– Значит?

– Ничего не значит, – ответил он высокомерно. – Я не сказал, что я принял эту идею, хотя она весьма соблазнительна.

Я задержал дыхание, стараясь не выпустить из глубин нутра нечто темное и звериное, что рвется наружу.

– Но... примете?

Он поморщился.

– Вы же позиционируете себя, как правителя, не просто военачальника? Вот и просчитайте сами... если сумеете. Кроме того, король Херлуф по моей просьбе даст всю свою армию, пусть она и невелика, в наше временное распоряжение. Я использую ее дополнительно либо на охрану бухты, либо побережья.

– Либо, – сказал я в тон, – чтобы не допустить моего возвращения.

Он нервно дернул щекой.

– Возвращения?... Вам лучше думать о Мунтвиге, который, по вашим же словам, амбициознее императора Карла. Хотя да, я могу ее поставить охранять Тоннель... с этой стороны.

Он начал приоткрывать дверь, я спросил быстро:

– А почему вы решили, что Херлуф даст вам свою армию?

Он холодно улыбнулся.

– Короли в таких случаях всегда помогают друг другу.

– В каких?

– Короли королям, – пояснил он медленно и с таким удовольствием, словно воткнул нож мне в печень и поворачива-

ет рукоять. – Или для вас новость, что он побаивается вашего усиления?.. Новость? Тогда вы предельно наивны.

Он вышел и плотно закрыл за собой дверь, не слишком тихо, но и не хлопая, то и другое признак дурного тона, что короли себе позволить не могут, им это втолковывают с момента рождения.

Я со злости едва пару раз не ударился лбом в стену, наказывая себя за наив и дурость. Ну конечно же, они все меня побаиваются, даже Барбаросса с Найтингейлом, хоть и говорят о дружбе и верности. Дружба хороша среди равных, а я усиливаюсь не по дням, а по часам.

Глава 7

Отец Дитрих появился еще к началу голосования, ему предстояло короновать на трон Готфрида или меня, но, когда выяснилось насчет Кейдана, он покинул зал, повторного помазания на престол никаким протоколом не предусмотрено, кроме как возведения короля в сан императора.

Я отыскал его в соборе, он строго и властно давал наставления молодым священникам, уже не столько архиепископ и папский нунций, как великий инквизитор.

Я преклонил колено, хотя мне и трудно вот так кланяться мужчинам, тем самым признавая их полное превосходство, но у отца Дитриха и возраст, и та мудрость, которая не раз помогала мне решать сложные проблемы.

Он перекрестил меня, я поцеловал ему руку, в его глазах любовь и тревога.

– Отец Дитрих!

Он покачал головой.

– Сердце мое скорбит, отпуская тебя так далеко да еще на войну, при виде которой церковь скорбит, а Дева Мария проливает слезы. И на душе беспокойно... Я отправлю с тобой своего духовника, отца Марка. Доверяю ему полностью, он умен и знает многое. Будь стоек в соблазнах, сын мой! В тебе бурлит горячая кровь, она может толкнуть на... поступки, о которых потом мы все жалеем, но исправить уже

не можем.

– Отец Марк меня удержит, – пообещал я.

Отец Дитрих кивнул молчаливому слуге.

– Позовите отца Марка. Он сейчас молится в исповедальне.

Священник переступил через порог и степенно поклонился, обычный попик, как бы я сказал, но, когда он поднял голову, я увидел лицо человека крепкого и сильного, глаза серьезные, жестко-рыжие брови, сухой тип лица, когда только кожа, кости и необходимый набор мышц.

Думаю, под прячущей тело сутаной укрывается такое же сухое, костлявое, но с толстыми и прочными сухожилиями тело.

– Отец Марк, – сказал отец Дитрих. – Он и будет как вашим духовником, так и моим представителем в походе.

Я сказал приветливо:

– Добро пожаловать, святой отец.

Отец Марк молча поклонился, затем произнес сдержанно:

– Ваше высочество...

– Надеюсь, – сказал я, – вам не будет слишком уж противно среди именитых лордов, не забывающих о своей родословной и запамятовавших, что все люди перед Господом равны.

Отец Дитрих обронил коротко:

– Отец Марк вообще-то граф, но это неважно. Сейчас он слуга Божий.

Я хотел было удивиться, чего графу делать в священниках, но во взгляде отца Марка почудилась ласковая насмешка, а я насмешки как-то не совсем обожаю, потому перекрестился и сказал смиренно:

– Лучшим епископом, а потом и кардиналом в одном из великих королевств... был Арман Жан дю Плесси, герцог де Ришелье. Так что, думаю, отец Марк далеко не первый и уж точно не последний из знатных лордов, посвятивших себя церкви.

– Герцог? – перепросил отец Дитрих с удовольствием.

– Да, – подтвердил я. – У отца Марка хорошие ориентиры. Добро пожаловать, отец Марк, в реальный мир!.. Выступайте немедленно, я встречу вас в Савуази. Или уже в Варт Генце.

Он взглянул на меня остро.

– А в дороге вам мое сопровождение не понадобится?

Я ответить не успел, отец Дитрих произнес с ласковой насмешкой:

– Наш юный друг очень нетерпелив. И где ему удастся сократить дорогу или ускорить бег лошади... В общем, сын мой, помни главное правило рыцаря: защищай тех, кто не может себя защитить сам.

Во дворец я возвращался, уже разрабатывая планы, как сразу же вызову сэра Вайтхолда и двину войска навстречу Мунтвигу, вздрогнул, когда двое придворных с коронами Фоссано на одежде вышли навстречу и поклонились так, что

я увидел их затылки.

– Ваше высочество, – сказал один сладким голосом, – вы не могли бы на минутку зайти к Его Величеству Фердинанду Барбароссе?

– Могу, – ответил я настороженно, – а он не на пиру?

– Нет, Ваше Величество.

– Интересно, что это с ним, – пробормотал я.

Они почтительно провели меня к покоям Барбароссы, сами распахнули дверь, выказывая высшую степень уважения и даже уважительности.

В комнате кроме Барбароссы еще и Найтингейл, оба с кубками в руках в глубоких креслах за низким столиком, но по лицам не видно, что пьянствуют.

Что-то громадное в лесу сдохло, мелькнула мысль, я заулыбался и сказал с одобрением:

– Что значит, государственные мужи! Пока другие пируют, эти двое делят мир.

Они переглянулись, Найтингейл сказал с лукавой усмешкой:

– Вот и скажи, что у него недостает проницательности!

– Иногда он удивляет, – согласился Барбаросса.

Я опустился по его жесту в свободное кресло, кивнул на кубки.

– Продолжаете пир?

Барбаросс с кислой гримасой опустил кубок на стол.

– Разве это вино? Вот у тебя подавали... Оставишь Кей-

дану или увезешь с собой?

– Если вздумаешь оставить, – сказал Найтингейл, – лучше я куплю все запасы! Деньги тебе не помешают.

Барбаросса внезапно посерьезнел, потер ладонью лоб.

– Да, вот мы о чем говорили... Ричард, тебе не выстоять против Мунтвига, если он хоть вполовину опасен, как и Карл. Без хорошей армии, я имею в виду.

– Это не новость, – сказал я утомленно.

Он снова потер ладонью лоб, помотал головой.

– Я могу заменить твои войска в Ламбертини свои. Да-да, я давно точил на нее зубы, это все знают, но сейчас просто собираюсь помочь.

Найтингейл сказал живо:

– Хороший ход. Если сэр Ричард сумеет разбить Мунтвига и вернется с победой, вы, дорогой кузен, любезно поздравите с победой и вернете ему Ламбертению. Если вдруг одолеет Мунтвиг... гм... то герцогство останется в ваших руках?

Барбаросса ответил с достоинством, но я уловил и скрытое раздражение:

– Должен же я что-то получить за охрану целого королевства? Но я могу и не получить ничего, кроме морального удовлетворения за то, что все-таки помог нашему Ричарду!

– Риск того стоит, – сказал Найтингейл ревниво. – Мунтвиг может не победить Ричарда, как и Ричард Мунтвига, но оба ослабеют настолько, что им будет не до окраин своих

владений.

Барбаросса нахмурился.

– Это вы к чему, дорогой кузен?

– Я тоже помогу Ричарду, – заявил Найтингейл. – Введу войска в земли Сандрии и Глассиера. Это не слишком большой участок Ламбертини, но он вонзается клином в мой Шателлен, мне всегда хотелось выровнять границы моего королевства...

– А в земли Вендовера не хотите? – спросил Барбаросса ехидно. – Там Ричард держит отборные войска, сдерживая короля Буркхарта!

– А вы?

Барбаросса пожал плечами.

– Сперва выслушаем, что скажет принц Ричард.

Я старался выдавить на деревянном лице беспечную или хотя бы жизнерадостную улыбку. Понятно, что дружба дружбой, а интересы выше. Оба за моей спиной разделят все, что я нахапал, и будут правы, я слишком уж занесся, точнее – вознесся, а теперь со всей высоты мордой о землю.

– А что сказать? – ответил я наигранно бодро. – Ваше Величество удостоили меня должности коннетабля королевства Фоссано, чем я всегда гордился необыкновенно и горжусь с каждым днем и титулом все больше!.. Доблестные войска фоссанцев покрыли себя неувядаемой славой при вторжении в Сен-Мари, где с ходу ударили в спину варваров, уже осадивших Геннегау, священную столицу Сен-Ма-

ри... Потому я просто счастлив, что Его Величество и сейчас со всем пылом рыцарских обязанностей сюзерена приходит на помощь к своему верному и преданнейшему из вассалов! А если еще и мой тесть, король Найтингейл... что еще можно желать? Я отправлюсь навстречу Мунтвигу со спокойным, как вы понимаете, сердцем.

Распростившись, я двинулся, нигде не задерживаясь, напрямиком в свой кабинет, но мысли от Барбароссы и Найтингейла скакнули к Кейдану, с которым неясного намного больше.

Отношения с ним действительно сложные и... странные. Его ненависть ко мне понятна, я отнял у него корону, трон и столицу, а я его ненавижу за... ага, эта сволочь хотела выдать Дженифер за одного из своих придворных! Правда, не из прихоти, это я и тогда видел, Кейдан пытался вернуть Брабант, пока герцог Готфрид по ту сторону Большого Хребта старался одерживать победы на Каталаундском турнире, однако все равно сволочь... это уже иррациональное, словно я не политик, даже не мужчина, а какая-то капризная баба.

Правда, в Ундерлендах он ухитрился поймать меня в хитрую западню, спасло только заступничество императора Германа, который не желал разбрасываться ценными кадрами. К тому же, возможно, он предпочел сохранить меня как противовес Кейдану.

Пусть кто-то заподозрит меня в излишней осторожности, но мои покои всегда охраняют отборные и верные телохра-

нители, обычно армландцы, и даже в это крыло не войти без контроля со стороны придирчивой стражи.

Вообще-то на самом деле охрану я создал не для охраны своей персоны, по моей беспечности всегда кажется, что с меня все как с гуся вода, а для моих нахапанных вещей.

Самое надежное хранилище оборудовал в Савуази, дворец Гиллеберда по праву мой, нижние этажи – это залы для различных приемов, празднеств и прочих мероприятий, но на два верхних этажа посторонним доступа нет, туда только самые доверенные или по моему разрешению, а кроме того, оттуда можно попасть через подвесной мостик в соседнее здание, туда нет доступа снизу, здесь самое-самое тайное...

Кроме того, в Геннегау, Савуази и Варт Генце по моему указу установлены те самые зеркала, разумеется, в личных покоях, в которые никому нет доступа.

Я переступил раму зеркала. По телу прошла странная волна, словно на короткий миг зачесалось все тело, даже изнутри, сердце застучало чаще...

...я вышел из зеркала в моем родном кабинете в Савуази. Чем-то он временами даже ближе, чем тот в Геннегау, а мысль продолжает разматываться насчет хранилищ.

В страшной схватке с темным богом, когда погиб Логирд, расплавилось все мое оружие, доспехи и даже кольца на пальцах, а уцелели только либо те штуки, в которых не разобрался, как, например, зашитые в седло Зайчика странные металлические зерна, из которых может вырасти неизвестно

что, вон Гугола до сих пор трясет, либо самые бесполезные кольца, которые я вообще не надевал на севере, как, например, полученное от короля Хенрига Первого кольцо, что в королевстве Гессен пропуск на все багеры, воздушные и наземные, большие и малые, в смысле – гроссбагеры и грандбагеры, а также во все учреждения. Еще могу показать начальнику любого гарнизона, и он выполнит мои указания. Правда, для этого мне надо оказаться по ту сторону океана.

Впрочем, после того, как после смерти Хенрига на трон сел его брат герцог Людвиг, эти привилегии могут быть и отменены.

Единственное, чем остался ценен перстенок, это связь с миром демонов, о которой сам король не подозревал.

Правда, мне так и не удавалось вызвать Серфика здесь, но, увы, то ли виной необъятная ширь океана, то ли демоны, как и люди, давно разделились на две сверхобщности: Южную и Северную, но все равно он полезен, и хорошо, что колечко сохранилось.

Кроме того, я успел еще кое-что нахапать, начиная от короны Темного Мира и кончая дропом с Хиксаны, когда я подобрал ее платье, пояс, браслет и кольца, но научился пользоваться только одним из колец, с которым могу проходить сквозь стены, даже дрожь берет, как только представляю этот ужас.

В коридоре слышались крики. Дверь с треском распахнулась, влетело огромное черное тело, ударило меня спиной

в стену, я успел увидеть перед лицом страшную оскаленную пасть и острые клыки, горячий мягкий язык быстро-быстро прошелся по моему лицу и склеил ноздри.

Я кое-как спихнул его с себя, Бобик на миг опустился было на пол всеми четырьмя, затем тут же упер лапы мне в плечи и прижал к стене.

– Да люблю, люблю, – заверил я честно. – В самом деле люблю!.. И в поход помчимся, задрав хвосты, вместе!.. Правда-правда, а теперь иди скажи это Зайчику, но только не зови сюда, а то вдвоем разнесете все.

Он не убежал, продолжал вертеться вокруг, как черный смерч из оплавленных валунов, а я заорал:

– Сэр Вайтхолд!.. Не спать, не спа-а-ать!

В коридоре послышался топот, но никто не рискнул заглянуть и проверить, мой голос узнали, молодцы, да и Бобик для всех показатель, задавленного, как мышь, чужака уже выволок бы в коридор.

На пороге возник Вайтхолд, как всегда сухощавый и подтянутый, в простом деловом камзоле, но с золотой цепью на груди, обозначающей его ранг государственного секретаря королевства Турнедо.

– Что случилось? – вскрикнул он встревоженно. – Здравствуйте, ваше высочество. Что случилось?

Я сказал горько:

– Оставим шутки, сэр Вайтхолд. Случилось в самом деле. Карла больше нет, до вас это новость могла дойти раньше,

чем до меня в Сен-Мари, но есть Мунтвиг, и он двинулся в нашу сторону! Какие-то королевства из наследия Карла уже подобрал, другие подбирает. На очереди Скарлянды и Варт Генц... Нужно решить, будем ли защищать.

Он дернулся, словно его ударили снизу в подбородок, на миг даже закрыл глаза, потом взглянул на меня исподлобья.

– Правда? Вы в самом деле будете такое решать?

– Буду, – огрызнулся я. – Дело в том, что мы дико распылили силы, а на главном направлении никого нет!.. Две армии в Сен-Мари, одна в Гандерсгейме, по сильной армии в Ламбертинии и Мезине... даже здесь, в Турнедо, нет значительных сил, если не считать отрядов легкой конницы Норберта Дарабоса... он хоть дотащился уже из Мезины?.. да часть войска Клемента Фицджеральда.

Он торопливо кивнул.

– Значит, дело настолько плохо? И, как я понимаю, отступить как бы не с руки?

Бобик вклинился между нами и заверил помахиванием хвоста, что он не отступит. Я отпихнул его и сказал зло:

– Мудрость как раз в том, чтобы верно оценить шансы и отступить, если нет выхода.

– А его нет?

– Не знаю, – сказал я сердито. – Всегда полагал, что я мудрый правитель, а меня считают только удачливым военачальником! Подумать только, удачливым.

Он спросил осторожно:

– А что, разве вы не удачливы? Столько побед...

– Я успешен! – рыкнул я. – Успешен, запомните!.. Успешен, а не удачлив.

Он поклонился.

– Ох, простите, если перехвалил в невежестве своем. Как я понимаю, все собираемые силы следует двигать в Варт Генц на его северную границу?

– Или в Скарлянды, – ответил я. – Мы не знаем, где будет главное направление удара его армии. С этим нужно поспешить и выслать вперед целую сеть осведомителей, пообещав им большие награды. С Мунтвига не сводить глаз ни днем ни ночью. А сейчас созовите наш штаб. Я имею в виду Саммерсета, Геллермина, Рульфа и прочих.

– А прочих... это кого?

– У нас нет закрепленного состава, – напомнил я сердито. – Будто это новость! Мы все еще в процессе строительства свободного демократического государства под знаменем тоталитаризма и прочих либеральных ценностей подавления личности.

– А-а-а, – сказал он малость обалдело, – ну тогда да, посмотрю, кого в шею, а кого под зад...

– И побыстрее, – сказал я вдогонку. – На тупость задания нужно отвечать скоростью его исполнения.

– Я и так превышаю скорость в двадцать четыре часа в сутки!

– Да, – сказал я вдогонку, – кстати... Отыщите сэра Дара-

боса и немедленно ко мне.

Он переспросил с удивлением:

– Норберта? Он час назад прибыл из Мезины и сразу явился ко мне, дескать, нет ли от вас указаний.

Глава 8

Я бодро потер ладони с такой силой, что еще чуть, и вспыхнул бы огонь, словно я умелый питекантроп, а то и неандерталец.

– Уже час?.. И все это время без дела?..

Он отступил к двери, приоткрыл ее и крикнул:

– Сэра Дарабоса к его высочеству!.. Он сейчас обедает в зале для прислуги.

Я поморщился.

– Почему вместе с прислугой?

– Новости узнает, – ответил Вайтхолд с неохотой. – Он, как говорится, пьет из всех стаканов.

– Такие от жажды не умирают, – согласился я.

Он исчез за дверью, а буквально через пару минут Норберт перешагнул порог, сухой и жилистый, суровый, словно еще не обедал, подтянутый, как оруженосец, что мечтает стать рыцарем.

Бобик вскочил и, подбежав к нему, напомнил вилянием зада, что хорошо бы снова поохотиться как в прошлый раз, когда столько оленей, коз, кабанов и даже гусей надавили.

– Сэр Дарабос, – сказал я.

– Ваше высочество, – ответил он и, не спуская с меня взгляда, почесал этого черного кабана между ушей.

– Норберт, – сказал я, – тут ходят нехорошие слухи, что

вы уже целый час без дела. Это безобразие нужно срочно и решительно исправить! Срочно хватайте всех своих людей, а к дальним пошлите гонцов и как можно быстрее двигайтесь через Варт Генц или Скарлянды к границе с Бриттией. Переходить не нужно, но посмотрите, какие там есть крепости, способные устоять перед осадой и штурмом.

– Ваше высочество?

– Мунтвиг, – сказал я коротко. – Вы могли о нем слышать. Карл раскаялся в своих доблестных делах, которые вдруг счел вовсе не доблестными, и ушел в монастырь, а Мунтвиг ухватил всю свою армию, влил в нее войска Карла и теперь прет на нас, как... не знаю что.

Он напрягся, до Турнедо эта новость еще не докатилась, это Дональд Дарси воспользовался каким-то очень уж скоростным способом доставки сообщений, да еще лично, даже Большой Хребет его не остановил, но у шпионов свои каналы.

– Оборону, – спросил он отрывисто, – будем крепить там?

– Попробуем, – ответил я уклончиво. – Никто же из нас не знает, что там на границе! Варт Генц я знаю, как свои пять пальцев, а на Бриттию внимания не обращал, и без нее голова пухнет... Ага, еще по дороге, если встретите отряд Боудеррии, можете и ее взять... хоть нет, жалко.

Он кивнул.

– Ее лучше использовать в качестве ударного отряда. Больше пользы приносит, очищая Турнедо от нечисти.

– Тогда пусть, – согласился я. – Кроме того, пошлите гонца к Клементу, он может быть в своих пожалованных землях... хотя на него это непохоже. Пусть берет всю армию и выступает ускоренным маршем. Мы должны успеть раньше Мунтвига!

– В Варт Генц?

– Желательно, в Бриттию, – ответил я, – но вообще-то как получится. Действуем по обстановке.

Он вышел, а я в ожидании моих лордов снова подумал, что если перенести резиденцию в королевский дворец в Савуази, то для большинства послов это будет благом. Во-первых, они и так раньше располагались в Савуази, за это время наладили связи в высших кругах, обжились, обзавелись друзьями, а потом, когда все рухнуло, пришлось перебираться аж за Большой Хребет в неведомое Сен-Мари.

Правда, большинство и в Сен-Мари устроились прекрасно, подружилось с верховными лордами, помогли заключить в обмен за поддержку торговых соглашений с лордами своих стран, даже успели оценить преимущества южного края, когда всегда безоблачное и удивительно синее небо, практически нет зимы, а дрова запасают только для приготовления еды, а не для обогрева жилищ.

Однако сейчас там Кейдан, а Савуази, чувствую, никуда не денется. Здесь не только лорды, но даже народ считает меня вторым Гиллебердом, только помоложе и поэнергичнее.

Вайтхолд распахнул двери, лицо непроницаемое.

– Ваше высочество! Барон Саммерсет по вашему приказанию прибыл. Допустить или прогнать... вдруг вы передумали?

– Не до шуток, – сказал я. – Заходите, барон. Благодарю, что так быстро.

Саммерсет поклонился.

– Ваше высочество...

– Садитесь, – велел я, – и ждите остальных.

Он опустился в кресло, но не утонул в нем, а застыл на самом краешке, как птица на жердочке, собранный, подтянутый и всегда готовый дать сдачи.

Он был и остается военным комендантом столицы с того дня, как я оставил наказ жестоко подавлять малейшие признаки даже не бунта, а простого недовольствия. Здесь привыкли к грубой силе Гиллеберда, уважают сильную власть, однако Саммерсет с некоторым удивлением сообщал всякий раз, что жители столицы да и Турнедо приняли власть Ричарда как само собой разумеющуюся. Сильный должен уступать еще более сильному, а турнедцы убедились, что со сменой правителя в королевстве стало жить еще привольнее.

Сэр Геллермин, по-прежнему отвечающий за охрану периметра города и за своевременный подвоз в город продуктов, явился следующим, поклонился с порога.

– Сэр Геллермин?

– Ваше высочество...

– Садитесь, – велел я, – ждите остальных.

Он сел, но сказал быстро:

– Могу я доложить, что мои функции уже бесполезны, мне можно поручить что-то более стоящее? Жители сами везут в Савуази все, что нужно. Подгонять силой и реквизировать для нужд нашей доблестной и прожорливой армии нет нужды!

– Товарооборот, – спросил я, – и всякое другое снабжение регулируются спросом?

– Да, ваше высочество!

– Отлично, – одобрил я, – значит, взвалим на вас, дорогой друг, что-то потяжелее и поответственнее. Например, срочно собрать по всем воинским лагерям солдат, что заканчивают боевую подготовку, организовать в армию... ну, какая получится, и вести ее в Варт Генц.

Он воскликнул, воспламененный от пят до кончиков ушей:

– С радостью! Наконец-то!..

– Ох, – сказал я невесело, – не радуйтесь. Грядет большая и полномасштабная война.

– Так это же замечательно! – сказал он пылко. – Много подвигов, воинской славы, проявим чудеса доблести и воинской отваги, о которых будут петь при королевских дворах!

– Господи, – сказал я, – что это со мной?.. Еще вчера и я был таким... гм... да. Сэр Вайтхолд, где и в каких лагерях застрял наш доблестный Макс?.. Я слышал, готовит вообще что-то необыкновенное, что вообще похоронит конницу?

– Он совершает учебные маневры на востоке королевства, – сообщил он. – Обучает действовать вместе копейщиков и лучников с арбалетчиками. Это всего сутки отсюда!

– Пусть немедленно берет всех, – распорядился я, – и быстрым маршем со всеми его ресурсами, готовыми к бою, выдвигается на север.

– Куда именно?

Я огрызнулся:

– Через Варт Генц к границе с Бриттией, а там его перехватят разъезды Норберта и укажут место точнее. Но пехоте выступать пораньше, чтобы она из-за своей черепаховости хоть куда-то дошла.

– Сделаем!

– Вызвать герцога Сулливана, – велел я, тут же поправил себя: – Не вызывать, а пригласить, объяснив, что есть шанс выказать воинскую доблесть и усилить свое влияние. Заодно он может пригласить и Зигмунда Лихтенштейна... это барон из дальних северных областей Турнедо, что одно время был камнем преткновения.

– Когда Варт Генц претендовал на его земли?

– Он и сейчас претендует, – сказал я, – но не так настойчиво.

– Не до того?

– Пока я там навожу порядок, – объяснил я, – земли Зигмунда тоже под моей рукой, как правителя Турнедо и Варт Генца. Но потом...

– Начнут завоевывать?

– Да, – сказал я. – Начнут.

Он взглянул на меня коротко, почему-то сомневаясь, что я такое позволю, но лишь обронил:

– Завоюют?

– У Зигмунда много верных вассалов, – объяснил я, – ку-ча братьев, шестеро или больше дядей, все прям слоны, а не люди. У них не замок, а большая крепость в горах, их завоевать трудно, таких надо держать на своей стороне. В общем, приказ ясен?

– Да, ваше высочество!

– Действуй.

– Будет сделано, ваше высочество.

Турнедо и Мезина граничат, от Савуази до Беллимины вообще рукой подать, если не мелочиться. Так что особенно не выиграю, если помчусь туда сам. Потому высунувшись в коридор, отыскал взглядом неподвижно сидящего под стеной начальника курьерской службы, сэра Аллерана из Дальних Земель.

– Сэр Аллеран...

Он моментально вскочил и буквально просочился в мой кабинет, пока я держал дверь чуть приоткрытой.

Я смутно удивился, он даже не задел меня, но не стал вникать в мелочи, сказал быстро и властно:

– Пока что, сэр Аллеран, у меня не было возможности убедиться в возможностях вашей службы. Просто мне намека-

ли, что вы весьма как бы. Сейчас вам предстоит доставить по письму герцогам Шварцкопфу в Мезину и Меганвэйлу в Ламбертинию. За сколько дней управитесь?

Он посмотрел мне в глаза прямо и бесстрашно.

– Для вас, ваше высочество, доставим за сутки!

– Ого, – сказал я невольно, – это весьма. Но... как?

Он напомнил:

– Я же сказал, для вас, ваше высочество.

– А-а, – ответил я поспешно, – это не мое дело. Думаю, вы уже понимаете, что и мне иногда приходится... к методам, которые церковь не одобряет, так что... благодарю за доверие. Мы все равно служим Всевышнему, даже когда уверены, что бунтуем. Вот письма, на них написано какое кому. Постарайтесь доставить с наибольшей скоростью. Меня не интересует, как это будет сделано.

Он поклонился, отступил и сразу же бесшумно выскользнул за дверь.

Глава 9

Полдня я занимался тем, что вызывал к себе наиболее влиятельных лордов Турнедо, их здесь немало, несмотря на крепкую королевскую власть, терпеливо объяснял, какое разорение несет в себе нашествие Мунтвига, после чего записывал, кто сколько даст из своей личной дружины, и передавал листок Вайтхолду.

После обеда нарочито вышел наружу, чтобы показаться и простому люду, пусть видят, государь с ними, власть крепка, и кони наши быстры.

Бальзак сейчас в поездке по стране, но по его указанию возводится еще одно крыло дворца, еще два расширяются, а королевский сад перекапывают для чего-то совсем уж особенного.

Я тогда подписал распоряжение о ремонте, но Бальзак, уловив мою невысказанную мысль, что здесь будет центр союза королевств, начал превращать дворец в супердворец.

Рабочие, распиливающие бревна вдоль, грузчики, каменщики и вообще все мастеровые торопливо снимают шапки и, прижимая их к груди, опускаются даже не на колено, как рыцари, а вообще почти до земли, а там, смиренно застыв в молчании, тупо смотрят в землю и терпеливо ждут, пока пройду мимо.

– Варварство, – буркнул я. – Сколько рабочего времени

теряется!.. Думаю, моего величия не убудет, если мастеровых приравнять, к примеру, к часовым.

Сопровождавший меня Ортенберг взглянул в удивлении.

– Ваше высочество?

– Те не кланяются, – объяснил я.

– Но и не шевелятся, – обронил он осторожно.

– И что?

– Когда вот так все застыли, – пояснил он, – и смотрят в землю, сразу привлечет внимание тот, кто поднимет голову, схватит топор и ринется к вам.

– Гм, – сказал я в недоверии, – неужели для того и придумано? Я полагал, только для чванства!

Он покачал головой.

– Многие обычаи исполняем потому лишь, что освящены стариной и традицией. И не всегда даже знаток может сказать, почему возникли.

– Ладно, – буркнул я, – пусть кланяются. Подумаешь, потеря рабочего времени! Мы на какую только хрень его не тратим. А на меня пусть смотрят и понимают, что, если учиться только на пятерки... тьфу, в общем, можно при должном усердии подняться до высот, когда уже им будут вот так же кланяться... Где лагерь?

Он вытянул руку.

– Вот там сразу за стеной. Элитные воины обучаются там. А все остальные... в разбросанных по стране, для обучения простолюдинов.

– Собрать всех, – велел я, – элитных и не очень. Отечество в опасности! Родина-мать ее зовет и кличет!..

Он спросил очень серьезно:

– Мунтвиг точно идет сюда?..

– Думаю, – сказал я, – прет широким фронтом. Захватит не только Турнедо, но и соседей. Он к своей армии присоединил почти все разбежавшиеся было войска Карла! Конечно, надеюсь его остановить, но... на всякий случай готовьтесь к упорной и долгой обороне.

Он нахмурился, оглядывая стены столицы, что после ремонта стали неприступными, как и при Гиллеберде.

– Оборонять город сможем долго, – сказал он, – но не делать вылазки. Людей слишком мало.

– Я послал гонцов к Шварцкопфу, – заверил я, – и к Меганвэйлу. Шварцкопф оставит половину армии в Мезине, этого достаточно для поддержания порядка и нашего присутствия, а с остальными быстрым маршем двинется в родные Скарлянды, где частично перекроет дорогу в Турнедо.

Он сказал с облегчением:

– Это позволит нам подготовиться к обороне получше.

– А вот Меганвэйл подойдет из Ламбертини позже, – сообщил я. – Ему заказано закупить для нужд армии как можно больше уникальных повозок, что изготавливаются только там.

– Чем-то особенные?

– Да, на рессорах, – сказал я. Увидев его непонимающее

лицо, уточнил, — да и то веревочных, но все же... Понадобятся не только для подвозки провианта и полевых кузниц. Усталые воины проделают на них часть пути, а история учит, что армия, умеющая передвигаться быстрее противника, обычно застигает его врасплох и одерживает заслуженные победы.

Он посмотрел внимательно и с некоторым недоверием, словно сомневался в моем умении разбирать буковки.

— Мы продержимся, — пообещал он. — Если у Мунтвига такая огромная армия, то будет двигаться медленно. А отдельные отряды, выдвинутые далеко вперед, даже не поцарапают наши стены!

Для Бальзака, что сейчас в поездке по стране определяет ее неиспользованные экономические возможности, я оставил письменные указания, а то все перевернут из-за недопонимания, после чего прислушался к тому, что происходит за дверью и на этаже, на цыпочках прокрался в личную комнату, где помимо моих тщательно оберегаемых сокровищ еще и нужное зеркало, ухватился за раму и начал представлять себе почти такой же кабинет, который оборудовал для себя в Варт Генце.

Жаль, нельзя такое таскать с собой. Хотя, может быть, бывают и портативные варианты? Вытаскиваю эдак из кармана что-то типа дамской пудреницы, открываю крышечку и смотрюсь в зеркальце... Хлоп — и на месте! В смысле, в другом месте...

Вообще-то на всякий случай надо дать задание своим алхимикам. Пусть пороются в старых книгах. Не может быть, чтобы допотопные люди, в смысле, довойномаговые, ходили ножками на большие расстояния или отбивали задницы пусть даже на арбогастрах...

Бобик протиснулся в едва приоткрывшуюся дверь раньше меня, я покачал головой, но он посмотрел с таким укором, что я тяжело вздохнул.

— Ну ладно-ладно, ты меня поймал на слове. Иди сюда... Да не вырывайся, толстый гад!.. Стой, кабанище, мне тоже щекотно...

Мы с трудом продавились через поверхность зеркала, двоим сопротивляется. Там Бобик сразу вырвался и побежал по кабинету, обнюхивая с недоумением.

Я поспешно постарался как можно быстрее понять, что меня может ждать в Варт Генце, однако в кабинете чуть ли не паутиной заросло, полное отсутствие всякой жизни, что в данном случае — благо.

Я с облегчением перевел дыхание, но на всякий случай, не сходя с места, быстро просканировал взглядом весь кабинет, однако не сдвинута ни одна книга на столе, ни одна бумажка, а я нарочито оставляю некоторые криво, чтобы тот, кто зайдет в мое отсутствие и возьмет в руки, положил более правильно и тем самым обозначил незаконное вторжение.

На столе едва заметный слой пыли, хорошо, даже слуги не входят в мое отсутствие. Хотя Фальстронг не железный Гил-

леберд, тот держал в кулаке все королевство, но Фальстронг хотя бы держал в строгости королевский дворец.

Я прошелся по кабинету, толстый ковер глушит стук подкованных сапог, выглянул в окно. Обычная неторопливая суета. Похоже, сюда еще не докатились слухи о Мунтвиге, а ведь Варт Генц лежит прямо на пути проклятой орды...

За дверью в коридор, толстой и массивной, даже арбалетной стрелой не пробить, как и тяжелым копьем, полная тишина. Но для моего обостренного слуха не помеха, если что-то заинтересует в коридоре, и через минуту я уже знал, что старшим телохранителем все тот же Шнайдер, с ним Беккер, Вебер и Вагнер, а вот Шмидт минуту тому исчез, только запах его тела ведет в сторону лестницы.

Я распахнул дверь, все четверо радостно заулыбались, вроде бы даже не удивились, но бодро вытянулись. Бобик выскочил в коридор, но даже не гавкнул, а помчался здороваться с поварами.

– Куда кузнеца послали? – спросил я с подозрением.

Шнайдер сказал виноватым голосом:

– Да жара тут, я велел ему кувшин... холодной воды принести...

– Не увлекайтесь, – сказал я, – и кликните сэра Джонса. Думаю, он уже и забыл о государственных обязанностях.

Шнайдер тут же заорал:

– Сэр Джонс!

Чуть левее распахнулась дверь, на пороге возник Клиф-

тон Джонс, все в том же оранжевом с черным, суровый и насупленный, на груди цепь с эмблемой короля.

Увидев меня с телохранителями, он довольно вздохнул, словно сбросил с плеч незримую ношу, почтительно поклонился.

– Ваше высочество...

– Сэр Джонс, – сказал я, – рад, что вы на боевом посту, а не с непотребными девками, как почему-то всегда кажется, когда смотришь на вас вот так сбоку и без прищура. Топайте в мой кабинет, есть радостные новости.

Он со всеми церемониями пропустил меня вперед, а стражи закрыли за нами двери.

– Грядет беспощадная война, – объявил я с ходу. – Мунт-виг собрал все силы, присоединил армию Карла и движется в нашу сторону.

Он отшатнулся, испуганный и шокированный.

– Ваше высочество!.. Какие же это радостные?

– А возможность совершить великие подвиги, – напомнил я, – и умереть красиво?..

Он промямлил:

– Да, конечно... но государству урон...

– Согласен, – одобрил я. – Хотя я, как рыцарь, стремлюсь к великим подвигам и красивой смерти, но, как политик, предпочитаю смерть своих противников, красивую или не очень, мне важнее сам факт. Так что давайте все данные, где и что можно наскрести... а заодно разошлите самые срочные при-

глашения прибыть ко мне во дворец всех значительных лордов, верховных, высших и не очень, но таких, у кого есть свои дружины.

– Сделаю это немедленно, ваше высочество!

К вечеру во дворец с несвойственной верховным лордам торопливостью прибыли те, кто совсем недавно претендовали на королевский трон: Хродульф Горный, Леофриг Лесной, Хенгест Еафор и Меревальд Заозерный. Их владения разбросаны по стране, но дворцы, мало уступающие королевскому, находятся и в столице, так что да, им всего лишь перейти городскую площадь, хотя явились каждый с пышной свитой.

Следом прибыли Варвик Эрлихсгаузен, князь Стоунбернский, властелин Реверенда и Амберконта со своим непутевым сынком, Людвигом фон Эрлихсгаузен, герцогом Ньюширским. Мелькнули веселые и вроде бы снова пьяные морды Карла Теодора Кёрнера и Отто Людвига. С этими все понятно, без них двор не двор, веселые клоуны призваны разбавлять скуку и чопорность приемов, а это так здорово, когда кто-то из мелких, но благородных лордов берет на себя такую роль.

Большинство лордов приезжают все-таки не в колясках, и конюхи едва успевают перехватывать поводья породистых коней и бегом уводить в сторону конюшни или к королевской коновязи.

У распахнутых ворот дворца прибывающих встречает сам

Фридрих Геббель, сенешаль и лорд малой печати, как всегда важный и предельно породистый, в богатой одежде и с золотой цепью на груди, напоминающей о его высокой должности.

Мелькнуло знакомое лицо, не сразу узнал Джонатана Ферджехейма, полномочного посла Его Величества короля Фальстронга из далекого тогда королевства Варт Генц к гроссграфу Ричарду, сумевшему пройти под Великим Хребтом и захватить власть в южном королевстве на берегу океана.

Сердце стучит, как будто жаждет выпрыгнуть, хотя вроде бы не с мечом в руке отстаиваю жизнь и не с турнирным копьём мчусь навстречу могучему противнику...

Некоторое время я трусливо выглядывал из-за шторы, смотрел, как заполняется зал. Впереди самые родовитые: Хродульф и Леофриг, что все еще выглядят облагороженными викингами, а не великими лордами богатого и процветающего королевства. Третий, Хенгест Еафор, высится над обоими на голову, в плечах неимоверен, а блестящие черные волосы падают на спину, как мощная конская грива. Четвертый, самый загадочный для меня, Меревальд, скромн и тих, словно монах, но он первым оглядел меня с головы до ног, когда я только появился в дверном проеме, взгляд темен, после чего он тут же опустил голову.

Я с застывшей радостной улыбкой прошел к трону, но не сел, а обернулся к залу и вскинул руки.

– Дорогие друзья, – сказал я громко и с чувством, – мы с вами так много пережили и потому сроднились больше, чем отец и мать со своими детьми!.. Сейчас мне удалось опередить гонца, потому сам с огромным, просто преогромным удовольствием и чувством самого глубокого и глубочайшего удовлетворения сообщаю радостнейшую новость: ваша победоносная и познавшая радость побед великая вартгенская армия под руководством герцога Меганвэйла...

Леофриг, впереди которого катится нехорошая слава невыдержанного грубияна, что перессорился со всеми соседями, громыхнул гулким голосом:

– Он граф!

Я возразил:

– Можете поздравить его с титулом герцога! Да-да, граф Меганвэйл получил его за блестящий разгром войск королевства Ламбертинии...

Леофриг выпучил глаза, а Хенгест, гигант не только с ребячьим лицом, но и именем, сказал озадаченно:

– Ламбертинии? Так далеко?

– У королевства Варт Генц, – сказал я с достоинством, – длинные руки, острые копья и горячие сердца!

Несколько голосов в зале заорали:

– Ура!

– Победа!

– Слава Меганвэйлу!

– Ура принцу Ричарду!

Я помахал рукой и сказал приподнятым голосом:

– Дайте договорить. Он стал герцогом помимо блестящего разгрома войск королевства Ламбертини и еще и за весьма успешные военные действия в королевстве Вендовер. После этого он со своей победоносной и познавшей радость побед вартгенской армией вступил в пределы королевства Мезина и, покорив ее, оставался ее наместником, пока, увы...

На меня смотрели расширенными глазами, словно я рассказал волшебную сказку, наконец из верховных лордов первым спохватился Меревальд и спросил напряженным, как туго натянутая тетива, голосом:

– Что случилось?

Я сказал тяжело:

– Братья и сестры! Подлый враг коварно напал на мирные священные земли, которые под нашей защитой. Потому я сразу же все силы, которыми располагаю, поднял на задние ноги и велел идти на север. Но из Сен-Мари или даже Армландии добираться долго, потому я говорю вам твердо и возвышенно: настал ваш звездный час!.. Вы можете в отсутствие победоносной армии Меганвэйла доказать, что не уступите их доблести, а то и превзойдете!.. У вас уникальные возможности первыми соприкоснуться с противником, узнать его силы и первыми нанести удар, что, естественно, войдет во все летописи и, надеюсь, в анналы военного искусства!

Я остановился перевести дыхание, но уже вижу, зацепил,

многих вообще за живое, вон как глазки заблестели хищно, а румянец пробился на щеки даже тех, кто давно о нем забыл. Верховные, у которых армии побольше, чем были у короля Фальстронга, встрепенулись и смотрят на меня неотрывно, а в глазах мелькают цифры дебета-кредита и даже неясные графики оценки рисков приобретений и потерь активов.

Затем посыпались вопросы, часто бестолковые, но я отвечал уважительно и всякий раз подчеркивал, что ряд военачальников Меганвэйла получили земельные угодья и даже замки в Ламбертинии и Мезине, а наступление Мунтвига открывает для нас дополнительные возможности.

Здесь всем требовались подробности, хотя и так все ясно, но я несколько раз повторил азбучную истину, что война сама себя кормит. И если сумеем дать отпор Мунтвигу и отбросить его назад, то захваченными или, скажем красивше, освобожденными от гнусного врага землями будем распоряжаться сами...

Эта часть нравилась всем больше всего, ради нее готовы забыть такую мелочь, что сперва все-таки надо выстоять под страшным ударом орды Мунтвига, а потом с тяжелыми боями отжимать его назад, пядь за пядью отвоевывая земли и щедро поливая их своей и чужой кровью.

Глава 10

Когда я ощутил, что охрип, ко мне приблизился сенешаль, лорд малой печати Фридрих Геббель, взглянул на мое лицо и, получив молчаливый ответ, сказал величаво и отечески строго:

– Его высочество Ричард только что прибыл и нуждается в отдыхе. А лорды пока могут тщательно обсудить новости... скажем прямо, ошеломляющие. Встретимся позже... Ваше высочество?

– Да, – сказал я, – можно сегодня за общим ужином. Кстати, в Ламбертини я стал принцем... но это не для хвастовства, а как напоминание, что и вы, совершая воинские подвиги и принося пользу Отечеству, можете не только получать земельные угодья в новых землях, но и более высокие титулы. А сейчас я прощаюсь до утра, на свежую голову и новость обсудим, и успеем прикинуть, как на нее реагировать!

Я удалился под ликующий рев, а в зале страсти уже не просто закипели, а началось некое буйство, восторг, как будто я им всем раздал корзину конфет, а не предложил иди на кровавую войну.

Геббель проводил меня до кабинета, тоже прислушивался к приглушенному шуму и покачивал удивленно головой.

– В вас верят, ваше высочество...

– Что налагает, – пробормотал я, – а то и накладывает...

Не люблю ответственности. Ладно, пусть решают. Надеюсь, решат верно.

– Верно, – проговорил он понимающе, – это как нужно вам?

Я изумился:

– А разве бывает другая правота?

Он усмехнулся.

– Ваше высочество сейчас в свой кабинет или... в свои покои?

Голос его прозвучал намекаяще, я насторожился, всмотрелся в его бесстрастное лицо царедворца.

– А что в мои покоях?

– Все в сохранности, – заверил он, – только там сейчас гость...

Я ощутил, как по всей спине от загривка и до кончика хвоста встопорщивается крепкий такой бойцовский гребень с иглами и шипами.

– Какой гость? В моих личных покоях?

Он ответил с поклоном:

– Ее высочество Вирландина Самондская изволили заверить, что вы не будете особенно против.

– А-а, – протянул я и ощутил, как гребень опускается и вообще вытягивается в спину, – Вирландина... Вообще-то да, я не прочь с нею пообщаться, очень умная женщина.

– Чрезвычайно умная, – подтвердил он, не моргнув глазом. – У нее эти... такие большие...

– Глаза?

– Знания, – пояснил он. – Ее высочество лучше кого-либо понимает, что происходит в королевстве.

Мы вошли в коридор, где несут стражу портной, пекарь, ткач, каретник и кузнец, то есть Шнайдер, Беккер, Вебер, Вагнер и Шмидт.

Лорд малой печати остановился.

– Ваше высочество...

– Лорд Геббель, – сказал я.

Он поклонился и пошел обратно, Шнайдер распахнул предо мной двери, я перешагнул порог, и губы мои сами по себе расплылись в счастливой улыбке.

Вирландина, молодая и прекрасная, несмотря на то что должна быть в возрасте, а в моем старыми кажутся и тридцатилетние, хотя нет, тридцатилетние уже не старые, это сорокалетние старые, а пятидесятилетние так и вовсе дряхлые, Вирландина легко поднялась навстречу, я не успел слова сказать, как обняла, вlepила братский поцелуй.

От нее вкусно пахнет как цветами и травами, так и сдобными пирогами, да и сама вся как свежеиспеченный медовый пирог с черникой, малиной и брусникой, мягкая, нежная и податливая.

– Как же долго тебя не было, – сказала она, засмеялась и уточнила. – Знаю-знаю, что недолго, но я в самом деле соскучилась!

– Чудесно, – сказал я, – знаешь, я сейчас позову свою ми-

люю конячку, а потом полностью в твоём распоряжении.

Она сказала со смехом:

– Это я в твоём полном распоряжении!

Эту ночь она провела в моих покоях, а утром я, нежась в ее нежных объятиях зрелой женщины, где тугие девичьи мышцы уже покрыты сладким таким белым жирком, который так хорошо мять, давить и щупать, сказал расслабленно и мечтательно:

– Отправишься в свой дворец?

Она ответила с легкой улыбкой:

– Что делать, даже у меня есть обязанности.

– Перебирайся сюда, – предложил я. – Это же так здорово! Как только прибуду в Варт Генц, сразу же к тебе в постель!

Она засмеялась, но голос прозвучал почти серьезно:

– Да, идея весьма интересная.

– А в самом деле, – сказал я. – Везде предпочитают преемственность власти, но раз уж не получилось с сыновьями Фальстронга, то все равно все знают тебя, жену старшего сына короля, к советам которой прислушивался сам Фальстронг!

Она вскинула тонкие соболиные брови, в глазах заискрился смех.

– Ты серьезно?

– А почему нет? – ответил я легко и вдруг подумал, что треп трепом, но идея в самом деле не просто приятная, но

стоит большего. — Я в Варт Генце временно исполняю роль короля, так что ты вполне вправе находиться в моей постели открыто.

Он промурлыкала:

— Да ты и раньше не особенно скрывался.

— А теперь не будем тем более, — заверил я. — Ты в королевском дворце не чужая. К тебе здесь привыкли больше, чем ко мне. И когда увидят нас в постели...

Она охнула:

— Что? Увидят?... Как тебе не стыдно!

— Это я поэтично, — заверил я. — Имею в виду, никого не удивит. Как бы все естественно, все нормально, все так и должно.

Она прищурилась, посмотрела на меня с интересом.

— Ты задумал что-то совсем уж хитрое.

— Очень, — признался я. — Приезжаю — и сразу в постель, а ты меня чешешь долго и старательно.

— Ты что, шелудивый?

— Еще какой, — согласился я. — Если это в моих интересах.

— А что в твоих интересах?

— Я неизменен, — сказал я, — как Большой Хребет. Благополучие Варт Генца — вот моя цель и неусыпная забота! А ты в моей постели как бы подтверждение, что я тот, кого Фальстронг хотел бы видеть своим сыном... Кстати, что скажешь о сэре Торстейне?

Она лукаво прищурилась.

– Думаю, знаешь о нем не меньше, чем я.

– Меньше-меньше, – заверил я. – Поговаривают, что, если бы он вступил в борьбу за трон, сумел бы оттеснить этих троих претендентов.

– У него меньше земель, – напомнила она, – чем у Хродульфа.

– Хродульфу почти все досталось от отца, – возразил я, – а тому от деда, а Торстейн начал с нуля, сам все строил и приобретал. И дружина его закалилась в набегах на Скарлянды и Гиксию.

– Вот видишь, – сказала она, – знаешь... Но ты прав, он выставит самое большое войско, так как рисковать любит и умеет, амбиции у него ой-ой-ой. Вторым будет Хенгест, он и сам любит воевать, и дружина всегда готова к набегам, а еще он уязвлен, что по знатности отстает от всех соперников на трон, потому будет стараться еще как. У Леофрига самая крупная дружина в королевстве, но разбросана по его многочисленным землям, особой доблестью не отмечена...

– Значит, – сказал я, – тоже захочет себя показать?

– Возможно, – согласилась она, – хотя кто знает. Ну, а Меревальд, самый непонятный, у него только десяток людей в охране и свите, он действует разумными переговорами... Этот, возможно, вообще не даст людей на войну, хотя ситуация необычная, случиться может всякое. Кроме того, ты сильно раззадорил все рыцарство! Уже сейчас наверняка многие начинают сбиваться в отряды. Например, лорды се-

верных земель королевства, они всегда отличались...

Я слушал ее щебечущий голос, женщины его вырабатывают годами, мужчинам такое чириканье нравится. Если в их слова не вслушиваться, то и Вирландина покажется такой же беззаботной и созданной только для мужских утех, однако картину рисует яркую и точную, оценку дает верную, а когда перешла к деталям, то с изумительной скрупулезностью перечислила, у какого лорда сколько людей и какое у них вооружение, какова выучка, в каком состоянии замок, сможет ли оплачивать усиленную дружину долгое время, насколько устойчив в обещаниях, какой кодекс верности, насколько лоялен, амбициозен, решителен, домосед или авантюрист, в каких случаях чего ожидать...

Вместо обычного солидного завтрака я быстро проглотил бутерброд с ветчиной, Вирландина тоже отведала дивных деликатесов с радостью, запил большой чашкой крепкого кофе, горячая кровь пробежала по жилам, и я ощутил себя готовым для великих и не очень дел.

В нижнем зале длинноволосый и пышно разодетый малый, похожий на попугая в свадебном наряде, объясняет двум типам с лютнями, как пользоваться струнами.

Он оглянулся на звон моих рыцарских шпор, я узнал Чувствия, которого послал в Варт Генц с важной ответственной миссией внедрения в сознание народа новых идеологических мотивов через патриотические песни.

Он почтительно склонился.

– Ваше высочество!

– Как успехи? – спросил я таинственным голосом.

Он тоже понизил голос, глаза вспыхнули, словно факелы.

– Вы были правы, – сказал он задышающимся голосом, – ваше высочество...

– Я всегда прав, – ответил я скромно, – за исключением случаев, когда ошибаюсь. Песни прошли как?

– Победно, – заверил он, – по всему королевству!.. Распевают даже те, кому я их не передавал.

– Отлично!

– Стоит одному спеть, – сказал он счастливо, – как все запоминают и продолжают уже сами!

– Прекрасно, – сказал я с удовлетворением. – Что и требовалось. Идеологическая обработка населения в правильном направлении воспитания нужного королевству патриотизма и бездумной жертвенности во имя. Как-то так. А каковы твои планы сейчас?

Он напыжился, я запоздало ощутил, что допустил ошибку, творческого человека нельзя спрашивать о таком, щас закроет глаза и начнет токовать о вдохновении, он в самом деле заговорил важно и прочувствованно:

– После той победной песни я решил положить на музыку...

Я сказал со вздохом:

– Правда? Жаль, ты такой талантливый музыкант!

– Э-э... ваше высочество...

Я всмотрелся в его непонимающее лицо, хлопнул себя по лбу.

– Да это я одновременно думаю тремя невидимыми головами, вот иногда и заговариваюсь. Горе от ума, как сказал один... В общем, скоро я что-нить еще подкину. А что эти сработали, я вижу по мордам и лицам подотчетного мне населения. Теперь надо еще пару песен, выслушав которые все сильные мужчины возьмут в руки оружие и пойдут на защиту отечества в неведомые края навстречу Мунтвигу.

Он перевел дыхание, поднял на меня взгляд не таких уж и тупых, как обычно у поэтов, глаз.

– Да понял я, понял... Знал бы раньше! А то я так распинаялся, заставлял всех своих друзей петь о великом и благородном Сулле, что взял власть, навел порядок, а потом снял с себя корону и ушел цветочки выращивать!

– А что, – поинтересовался я, – ты свое мнение о Сулле переменял?

– А вот не переменял, – ответил он с вызовом. – Весьма благородный поступок! Но ведь вы заранее знали, что, взяв власть, как Сулла, уже никакому сенату не отдадите? И цветочки выращивать не пойдете?

– Тихо-тихо, – сказал я, посмотрел по сторонам. – Не забегай вперед. Конечно, если уж правду, хотя зачем поэтам грубая и неприкрытая правда?... знал.

Он проговорил тихо, широко распахивая невинные пропитые глаза:

– Тогда... почему?

– В списке, – сказал я, – который составил Сулла для казни, был молодой аристократ по имени Гай Юлий Цезарь. Родня Цезаря умоляла пощадить молодого парня, и Сулла, сжалившись, вычеркнул имя Цезаря, но сказал, что он опасен для Римской республики и еще натворит дел. Когда Цезарь возмужал и стал видным полководцем, он совершил переворот в Риме, так как Рим снова начал потихоньку гнить. Цезарь стал первым императором, а еще он как-то сказал, что Сулла был не прав, нельзя было уходить выращивать цветочки, Риму нужна твердая рука. Так вот, Цезарь для Рима дал новую жизнь, возвеличил его, укрепил и вообще сделал лучшим и красивейшим городом мира. Понимаешь, к чему я веду?

Он боязливо посмотрел по сторонам, поднял на меня встревоженный взгляд. Я смотрел на него жестко и твердо.

– Даже боюсь понимать, – прошептал он после тягостного молчания.

– Почему?

– Вы сказали, – проговорил он тихонько, – ваш Цезарь стал императором?

Я развел руками.

– Пришлось. Римская республика прогнила и медленно разрушалась. Он просто постарался ее спасти.

– Как и Сулла?

– Сулла сделал ошибку, – повторил я. – Своей чисткой

врагов народа он лишь отсрочил гибель республики. А вот если бы остался диктатором... Но он увильнул, это тяжелое решение пришлось принять Цезарю.

Он смотрел на меня почти с ужасом.

— Господи, — прошептали его губы, — так вот что вам предстоит... Нет, всем нам!

Я скривился, но сказал терпеливо:

— Ты сказал абсолютно верно, «предстоит». Я к этому не рвался, но понимаю, что на данном этапе нужна твердая конституционная власть, полная демократия, для чего власть должна быть авторитарной в моих передних руках. Я поведу народы к счастью, хотя бы они этого или не хотят, и начнем строить Царство Небесное на земле, тем самым очистив ее от греховности.

Он отшатнулся.

— Господи!

— Помни, — сказал я наставительно, — расцвет высокой культуры возможен только в крепких авторитарных государствах. Все великие произведения искусства, архитектуры и прочие излишества создавались при диктатурах. Потому ты должен быть заинтересован в крепкой власти. Иди и твори во славу и во имя!

В нижнем зале меня встретил Фридрих Геббель, неизменно важный и породистый, в черной одежде, но настолько расшитой золотом, что даже массивная золотая цепь сенешаля на груди теряется.

Он поклонился и уставился в меня непроницаемыми глазами.

– Лорд Малой печати, – произнес я.

– Ваше высочество...

– Народ собирается?

– Уже собрался. Слышите?

Из-за плотно закрытых дверей большого королевского зала доносится мощный глухой шум, напоминающий рокот морского прибоя на скалистом берегу.

– Ого, – сказал я. – Это весьма, да-да, весьма. Что ж, с Богом, укрепившись сердцем и не вздрагивая фибрами... вперед, Ричард!

Двое слуг в церемониальной одежде медленно и торжественно распахнули обе створки гигантских дверей, так принято по моему статусу, хотя я один.

Глава 11

Зал открылся роскошный, под дальней стеной два кресла, широкий проход к ним, по обе стороны все придворные дамы в два ряда, а за ними мужчины.

В Сен-Мари женщины выстраиваются лицом к проходу и плечом друг к другу, а здесь все повернуты в сторону распахиваемых дверей, и, когда я вошел в зал, стараясь двигаться величаво медленно, ближайшие дамы начали грациозно приседать, придерживая края платья и растопырив в стороны. Почти у всех они вверху заканчиваются неким подобием воротника, так что никакого разглядывания вторичных половых, что доставляет удовольствие в Турнедо и особенно в Сен-Мари.

Я двигался по направлению к креслам, а по рядам с обеих сторон идет эдакая мягкая волна, когда женщины почтительно приседают, отсчитывая какое-то количество шагов до меня, хотя для некоторых дур такие расчеты сложноваты, они опускаются в женском поклоне чуть раньше или чуть позже, но это мелкие шероховатости, а так весьма впечатляет. Даже интереснее, когда приседают не все разом во всем зале, как в Геннегау, а вот так, музыкальной волной.

Вирландина уже среди придворных дам, я подал ей руку, она медленно приняла, я церемонно отвел ее к тронам, но сперва усадил ее в кресло справа, подошел к своему, но не

сел, а повернулся лицом к залу и некоторое время созерцал его надменно и царственно.

Все стоят, за исключением герцогов Варвика Эрлихсгаузена, князя Стоунбернского, властелина Реверенда и Амберконта, и Гордона Майкла Вульворта, у этого титулов еще больше, им даровано право не вставать, когда входит король.

На меня смотрят неотрывно и с ожиданием. Справа от Вирландины встали ее фрейлины, слева от меня Фридрих Геббель, Джонатан Ферджехейм и Клифтон Джонс.

Я, выждав минуту, опустился на трон, и по всему залу прокатилась волна шороха и шелеста платьев: усаживались в кресла те, кто имеет на это право, на табуретки те, кто имеет право на табуретки, остальные остались стоять.

Я отсчитал еще несколько тактов и величественно взмахнул дланью, даже не взмахнул, а чуть повел пальцами в воздухе, и сверху сразу же зазвучала сладкая приторная музыка, почти церковная, но здесь это ближе к танцевальной.

Я снова поднялся, и тут же встали все, кто не отрывает от меня взгляда, даже герцоги Варвик Эрлихсгаузен и Гордон Майкл Вульворт, я ведь не вошел, а уже здесь, и не подняться – высказать полнейшее неуважение, а в отношении короля или его заместителя – это бунт, мятеж.

– У всех нас, – сказал я, – была ночь, чтобы обдумать все, связанное с угрозой со стороны Мунтвига. И определить свою позицию. Прошу вас, лорды, высказать свое мнение по ситуации.

Я опустил на трон и величаво возложил руки на широкие подлокотники, пальцы мои достали там головы деревянных львов, но будет впечатление, что я сам положил им руки в пасти, что может быть расценено как дурной знак, и я слегка откинулся всем корпусом, вжимаясь в высокую прямую и такую неудобную спинку.

Вирландина проговорила тихонько, едва двигая губами:

– Прекрасный ход, ваше высочество...

– В чем? – ответил я тихонько.

– Все ждали, – ответила она с улыбкой, – что вы оставите это кресло пустым.

– Как я мог?

– Или посадите рядом герцогиню Миранду Гилфорд, – сказала она. – Это ее первый выход ко двору, посмотрите, как прелестна!.. Как бутон розы, что вот-вот распустится. Какое очарование невинной юности... Смотрите, как жадно смотрят на нее все мужчины.

Я сказал тихонько:

– Я не все, Вирландина. После этого совещания отбуду на войну, а это кресло остается за вами. Я уже отдал соответствующие указания сенешалю и моему секретарю.

– Ваше высочество?

– Вы знаете, – сказал я, – что нужно королевству, чтобы царили мир и спокойствие. Сейчас это самое главное. Обеспечьте мне надежный тыл. Все остальное я сделаю сам.

В зале снова бурлили страсти, но теперь ближе к тро-

ну продвигались четыре четко очерченные группы. Я с чувством близкой неприятности узнал во главе одной гиганта Хенгеста Еафора, этот могучий лорд полностью оправдывает свое имя: могучий жеребец, высится над всеми, в плечах широк, лицо свирепое, а с ним такие же могучие рыцари из дружины.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.